

Татьяна Аннина

A romantic scene featuring a man and a woman in a city street at sunset. The man, on the left, is shirtless and has a tattoo on his right arm; he is kissing the woman on the cheek. The woman, on the right, has long dark hair and is wearing a white top and a dark skirt. She has her hand near her face. The background shows a city street with buildings and a warm, golden sunset sky.

(Не)
ФИКТИВНЫЙ
БРАК

Чего только ради денег не сделаешь! Даже замуж выйдешь! Брак фиктивный. Чего бояться? Только вот у фиктивного мужа на меня не фиктивные планы, с которыми я не согласна.

В тексте будут: адекватная героиня, властный жёсткий герой, противостояние, невероятные, вспыхнувшие чувства и ХЭ.

- [Татьяна Анина](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [Эпиложек](#)
-
-

Татьяна Анина
(не) фиктивный брак

– Подумай! Денег отвалят, коммуналку оплатить сможешь, – трещала Ритка, наливая в свой стакан последний чай в моём доме.

Вот и пришла пора сушить чайные пакетики на батарее, а потом их снова заваривать. В одноразовом чае нынче много красителей, чашек на пять хватит.

– А что сама не согласишься? – с подозрением покосилась на подружку, которая принесла пирожные и сама всё съела.

Я быстро взяла из коробочки последний эклер и отложила в сторону. Риткины щёки перестали шевелиться, и она внимательно посмотрела на «сбежавшее» лакомство своими вечно голодными карими глазками.

– Так, я это..., – пробубнила она. – Коля же меня убьёт.

– Погоди. Брак то фиктивный. Деньги забрали и разошлись.

– Коля так не может, – наотрез отказалась Рита, видно, Колей научена.

А я могу? Нет, деньги нужны, не спорю. Мне так очень. А Ритке то какая выгода?

– Тебе тоже заплатят, что уговорила? И почему именно я?

– Мне заплатят. Немного, – Ритка допивала чай и отрясала толстые пальчики. – Айгерим со мной училась. Спросила. Я к тебе. Там срочность большая. Надо по-быстрому. Завтра.

– Завтра у меня учёба.

Я с тоской посмотрела, как Ритка пошла ставить чайник. Она изнасилует мой чайный пакетик, он будет негодным и перестанет удовлетворять мои потребности по утрам.

И тут отключили свет.

За неуплату.

Но Ритка этого не знала, заверещала, как ненормальная. Я чиркнула зажигалкой и подожгла фитиль приготовленной свечи.

Не всё так плохо. У меня на ужин эклер. И Дмитрий Николаевич обещал скоро выплатить аванс.

Скуля, Ритка пробивалась к прихожей.

– А как телефон заряжать будешь? – ругалась она в темноте.

Упс. Об этом я не подумала.

– Час времени тебе, потом буду Машке, Лизке и Таньке звонить.

За ней захлопнулась дверь.

Машка не пойдёт на такое, у неё свадьба через месяц. Никто не знает, потому что деньги экономят. Но могут с женихом сообразить, отложить свадебку на время, чтобы срубить немного денег. Лизка не согласится, у неё мать строгая, лет до тридцати будет пасти. Танька не согласится, потому что она осторожная, а фиктивный брак это опасно.

Чем, я пока не знала. За интернет не заплачено, посмотреть не смогу.

Кинула взгляд на телефон. Заряд заканчивался. Пришлось позвонить боссу.

Я работала в магазине автозапчастей, простым менеджером. Толкалась после учёбы в торговом зале. Иногда кидали в офис, где оформляла заказы. А так я учительница рисования. Просто способная и обучаемая. Интернет в помощь мне всегда, я теперь юзаю в иномарках. Чуть что, могу у Лёшки Поликарпова спросить, он ко мне не только яйца подкатывает, но и шаровые опоры, лонжероны и другую хрень, в которой я пытаюсь разобраться.

И так уже полгода. Утром учёба, после обеда работа. Хорошо хоть взяли. Низкий поклон тому самому Лёшке Поликарпову.

Одной девушке нужно выживать. Вот у меня отца отродясь не было. Я даже мать трясла, не из пробирки ли я. Она обижалась. А потом захворала матушка, и пришлось хоронить, когда мне было двадцать. И последние два года, я с ума схожу и понимаю, что не тяну квартиру совсем. Две комнаты, семьдесят квадратов. Пора уменьшать жилплощадь, а жалко.

Жалость моя закончилась отключением электричества.

– Да, – каркнул в трубку мой начальник.

– Дмитрий Николаевич, это я, Леся Перепёлкина. Вы обещали мне аванс...

– Ты уволена.

– Э-э-э, Дмитрий Николаевич...

– Оптимизация, Перепёлкина. С вашим образованием стоит попытаться устроиться, кисточками торговать.

– Я же у вас работала в отделе красок, – проскулила я.

– Расчёт после пятнадцатого...

– У меня свет отключили! – я взорвалась.

– Замуж пора, раз света нет, – ответил Дмитрий Николаевич и повесил трубку.

Теребилось пламя свечи, откидывало страшную тень на старые обои моей кухни. Экран телефона погас, стараясь сэкономить заряд батареи, которую я не скоро заряджу. Если только в универе.

Никакого трудового договора, пожизненный испытательный срок, обычно этим и заканчиваются.

– Эх, была не была, – решила я, изменив в этот момент всю свою последующую жизнь до неузнаваемости.

Ритка обрадовалась. Попросила прейти в загс в семь утра. Сумму не назвала. Там назовут, ей такую информацию не доверили.

Вот и всё. Свечку беречь не буду, на новую хватит... Надеюсь.

Хорошо, что вся история с отключением электричества произошла поздней весной. Утром в окно заглядывали лучи раннего солнца. Они проникали сквозь розовые тонкие занавески и ползли по старому серому линолеуму, оставляя приятный яркий отблеск. Осветили ножки моего мольберта, на котором стояла дипломная работа.

Очень живописно.

Мой диплом -декоративный натюрморт, выполненный гуашью. Ваза, дыня и в миске вишня. Всё это было разбито на ломаные кусочки, и выглядело, как сложенный витраж или мозаика.

Я старалась.

У меня уже и на бумаге по этой теме написана работа. Мой преподаватель оценил. Пообещал, что я всё сдам, и ушёл бухать.

Я сонно вылезла из кровати, начала её заправлять. Всё в моём доме было старым, затасканным. Поэтому нитка с иглой всегда имелись. Зато чисто.

Квартира была бабушкина. Мы переехали с мамой из деревни, и школу я заканчивала уже в городе. Всегда жили бедно, но жили. И я должна справиться.

Застелив старый плед, я пошарпала к ванной комнате, где привела себя в порядок. Распустила тёмные локоны ниже плеч, протёрла голубые глаза. Сама себе улыбнулась. Мама говорила, что по утрам нужно улыбаться. Так она и запомнилась мне, доброй и улыбчивой.

До загса было ещё время. И единственное, чего я боялась, что меня кинут. Деньги позарез нужны.

На собственную свадьбу, я решила накраситься. Села с зеркалом на кровать, достала косметичку. Кое-что там ещё моя мама сэкономила, и, похоже, что-то от бабушки досталось.

Личико в зеркале меня вполне удовлетворило. Я подошла к шкафу. Выбрала короткое летнее платье. Белого цвета с оранжевыми цветами. Золотистые босоножки на высокой шпильке. Их я тоже «экономила», вдруг доживут до тех пор, когда я перестану на каблуках ходить. Кофточку светло-бежевую достала. Взяла сумку со всеми нужными документами и тетрадь по графике. Необходимо последние лекции отсидеть и уже спокойно думать о будущем.

Я закрывала старую дверь в свою квартиру и думала, как прекрасно мне будет здесь жить одной, да ещё и с деньгами на первое время.

Как же я ошибалась!

Здание загса пряталось в буйно цветущем старом парке. Несмотря на раннее время, всё было уставлено солидными машинами. И ни на одной не было ленточек или куколок. Словно не жениться приехали, а хоронить кого-то.

Я поднялась по белоснежной лестнице. На каждой ступеньке лежали лепестки роз и рис.

Как же это красиво!

На свадьбах наряженные невесты, ухоженные женихи. Много гостей и весёлый праздник. Всё организовано, цивилизовано, с профессиональным фотографом.

А ты идёшь к семи утра заключать фиктивный брак неведомо с кем.

Я чуть не заплакала от горя. Почему я такая несчастная?

Вошла в стеклянную дверь. Прямо передо мной улетала вверх торжественная лестница.

Справа от меня сидел охранник, слева двери в кабинеты, где работают с документами.

Всё чистое, белое, помпезное. Голуби искусственные, ленточки и шарики. Всё блистает и отправляет в светлое будущее с наилучшими пожеланиями.

Вдохнув воздух чужого счастья, я повернула в сторону кабинетов и хотела пройти по широкому коридору. А там народа полно, и все мужики.

Вряд ли в нашем загсе устраивают день ЛГБТ.

Мужчины были все нерусские, черноглазые. Смотрели на меня, словно волки на одинокую лань. Я вошла в ступор и дальше решила не пробиваться.

– Олеся?

О, я её знала. Та самая Айгерим.

Смуглая кареглазая девушка. На лицо симпатичная, но жутко кривоногая. И юбки ниже колен это только подчёркивали. Она была одета в строгий чёрный костюм. Я плохо знала кто она, вроде дочка богатого папочки. Училась на юридическом факультете с моим незабвенным ухажёром Мартином Липовым.

Но что-то не помню, чтобы она с такой охраной ходила.

– Да, привет, – я ответила спокойно и даже строго.

– У нас с тобой будет устный договор, – шептала мне Айгерим. – Нужно будет два месяца улыбаться мужу на улице. За ним присматривают. И никто не должен знать, что брак фиктивный.

– Сколько денег? – я со страхом оглядывалась на голодных мужиков.

– Двести тысяч, но сумма не должна оглашаться нигде.

Понятно почему. Ритка сдохнет от зависти. Я уже умирала.

Когда мечты начинают сбываться, тут главное, не растеряться.

– Переводи, – в горле резко пересохло.

– Половину суммы сейчас, другую через два месяца, – она залезла в свой телефон.

Я не смогла ответить, только кивнула.

Из белоснежной дверцы в коридор вышла пожилая пара. Полная старуха в платке и каких-то ужасных юбках. И сухонький старичок в солидном костюме.

Братва заплодировала. Мы с Айгерим посторонились. Новобрачные уходили, уводя за собой свою чёрную отару.

Но не полностью. Четыре мужика остались.

Брякнул мой телефон. Пришло сообщение, что мой банковский счёт пополнился на необыкновенную, просто сказочную для меня сумму. Телефон тут же умер от счастья. Заряд закончился.

– Пойдём, – Айгерим потащила меня в тот самый кабинет, откуда вышли старики.

Следом за нами мужчины.

Я оглянулась. Тоже нерусские.

Да и фиг с ним! Какая мне разница, когда я сегодня хорошо покушаю.

Два молодых человека в чёрных футболках и чёрных джинсах. Крепкие, здоровые. Носатые. Один высокий в чёрном костюме имел голубые глаза и тёмные волосы. Он мне больше всех понравился. За ним стоял мужчина за тридцать точно, с большими чёрно-кариими глазами и таким взглядом, что я даже не захотела смотреть, во что он одет.

Как галки, все чёрные.

Точно похороны.

Я подала свой паспорт. Рядом Айгерим положила паспорт моего будущего мужа. Ни

одной русской закорючки. На фото лютый взгляд тех самых страшных глаз. На губах Тыргындыр Тыргындыева была лёгкая ухмылка.

Так и есть, тридцать четыре года.

– Поздравляю вас Олеся Ивановна и Даяр Иванович.

Мамочки, держите меня! Умру сейчас от смеха. Он Иванович!

Ставила подпись, давясь и хихикая. На мужа не смотрела, но чувствовала, что он смотрит на меня.

Взгляд тяжёлый, физически ощущается.

Подошёл ближе. На каблуках я с него ростом. Пахло от него приятным парфюмом с морскими оттенками. Я глянула на его руку. А там...

Пробу негде ставить. Все пальцы исколоты чёрными татуировками. Эти расписные кульпяпки потянулись к моей руке, а я, с трудом сдерживалась, чтобы не отшатнуться. Они были горячие и жёсткие с шершавой кожей.

Улыбка резко исчезла с моего лица. Я ослабла.

Сидевший. И следят за ним. Вот уж я попала! Подписалась, блин.

Мужчина надел мне на безымянный палец правой руки кольцо. Принудительно получилось. Кольцо было тяжёлым, и я вдруг представила, как он на зоне выпиливает его из стальной гайки. По цвету тоже подходило. На обруче была плоская площадка с отдельной вставкой, напоминающей облако. Там в несколько рядов сияли бесцветные камушки.

Украшение было великовато, и Даяр (или Дояр, как их там правильно) рявкнул на странном языке. Я чуть не подпрыгнула от его голоса.

Подкусив губу, медленно стала вытаскивать свою руку из его руки и покосилась на довольную Айгерим.

Фиктивный брак не предполагает супружеских отношений. Ведь так? Фикция это пустышка. Так что мне не придётся слушать Даяра постоянно.

– Уменьшим на размер, – виновато ответил один из парней. И протянул ко мне руку, как нищенка. Я тут же отдала ему кольцо.

Во что я вляпалась?

– Муж возьмёт фамилию жены, – с показной улыбкой на губах говорил работница загса, а в глазах её светлых полное сочувствие мне.

А что не имя? И вообще, что здесь происходит? Мне стало душно и тошно. Я сняла кофточку и погладила свою шею.

Я на всё согласна, лишь бы это животное больше не гаркало. И уже можно заканчивать.

– Поздравляю, – обрадовала меня женщина с документами в руках.

Я натужно улыбнулась. Нас фотографировала Айгерим.

Чужая лапища на моей талии. И я вытянулась по струнке и чуть отшатнулась от Даяра. Резко замёрзла и накинула кофту обратно.

Ух, это было сложно.

Мы вышли из кабинета. Там остался мужчина с голубыми глазами. Мне паспорт вернули, паспорт моего фиктивного мужа оставили.

– Айгерим, – шёпотом позвала я, со страхом посматривая на впереди идущих мужчин. – Как часто я должна появляться с ним на улице?

– Три раза в неделю в общественных местах: ресторан, кино, кафе, набережная. Сама выберешь.

– Хорошо, – камень с души упал.

– Ты в универ? Я подвезу.

Айгерим очень хорошо водила машину. В городе ориентировалась. Она казалась мне такой деловой приятной женщиной, намного старше меня, хотя мы ровесницы.

– Айгерим, – в её машине вкусно пахло, и я не сразу решилась начать разговор, вначале насладились комфортом. – У тебя похоже колодка на правом колесе бьёт.

Это я не решалась спросить про своего фиктивного мужа.

– Серьёзно? – удивилась девушка и даже расстроилась. – Надо в сервис отдать.

– Расскажи мне про Даяра, – попросила я, набравшись смелости. – Он сидел?

– Да, с моим отцом двенадцать лет назад, – как само собой разумеющееся ответила она. – Я мало что знаю. За бандитизм отсидел год, пока суд шёл, потом оправдали. Кликуха Трёхглав. Он по трём статьям проходил, но не смогли доказать. Отец русский, поэтому Иванович. Но в России давно не жил, вот решил на родину вернуться.

– Почему за ним следят? – мне стало плохо.

Могли бы там спортсмена подсунуть, бизнесмена. Нет, специально для меня, настоящий эксклюзив, не просто гастарбайтер, какой-то ещё и бандит.

– Он сейчас проходит по экономическому преступлению. Обвинение не предъявлено. Из обвиняемого перешёл в свидетели. Следят за ним, и не только органы власти. Я с ним не общалась, нашей фирме заказали привести его документы в порядок. Вот и всё.

– Айгерим, почему я? Наверняка, есть люди, которые зарабатывают на фиктивных браках.

Не, я деньги не верну. Просто интересно, я как попала в поле видимости опасного человека.

Девушка неожиданно весело рассмеялась, завернула в сторону проспекта, на котором стоял наш университет.

– Помнишь, мы вас с Ритой встретили на море. Я тогда со своим женихом была.

Как такое забыть? Это я в очередной раз решила подработать, поехала вожатой в детский лагерь. Чуть не утопилась с этими детьми. Тогда я точно решила, что в школу работать не пойду.

– Да, мы ещё фотографировались. Нас тогда было восемь девчонок, – я улыбнулась. – Фотка у меня эта есть.

– И у меня, – Айгерим посмотрела на меня. – Папа мой Даяру показал, мол, какие красивые девочки с дочерью учатся. По легенде, он ткнул в тебя пальцем, и сказала, чтобы оформили брак с тобой.

– А Ритка сказала, – растерянно обронила я. – Лизка там, Танька...

– Нет, – покачала головой Айгерим. – Ритке я сказала, чтобы уговорила тебя любой ценой. В цену за услуги оформления документов входил брак с тобой. Я узнала о тебе. Не замужем, детей нет, живёшь одна. Считаешься самой приличной девушкой университета. И без денег. Всё хорошо сложилось. Правда?

– Ага, – выдохнула я и втянула голову в плечи.

Когда Айгерим припарковалась, поспешила покинуть её машину.

Пальцем ткнул! Трёхглав! Три раза в неделю ходить улыбаться!

Двести тысяч!

От парковки до входа в университет было недалеко. Но до него я не дошла, мне

перегородили дорогу двое мужчин. Один здоровый молодой в кожаной куртке, которая не натягивалась на его бычью фигуру. Другой представительный, с сединой в волосах.

– Перепёлкина Олеся Ивановна? – спросил старый и улыбнулся неприятной улыбкой, в которой показались жёлтые зубы.

– Да, – струхнула я и с подозрением смерила мужчин взглядом.

– Я представитель компании «Мегазайм», мы занимаемся выдачей ссуд под проценты.

– Мне не нужны деньги, – я сделала шаг назад от них. Рядом со мной встала Айгерим и внимательно незнакомец рассмотрела.

– Ваша мама, Оксана Васильевна Перепёлкина, три года назад взяла у нас займ, под залог квартиры. В данный момент все сроки истекли, проценты капаят. Мы вынуждены будем подать в суд. Но прежде, хотим договориться о возврате долга.

Он назвал сумму, которая выбила землю из-под моих ног.

Спасибо, мама. Ты никогда не умела распоряжаться деньгами. Мало того, что деньги взяла втихаря и меня в курс дела не поставила, так ещё деньги на лечение, которые с неба якобы на тебя свалились, не помогли.

– Я впервые это слышу. Квартира полностью оформлена на меня, – замогильным голосом начала говорить я, с надеждой посмотрела на молодого юриста рядом.

– Документы заверены нотариально, – продолжался улыбаться старик. – Раз квартира ваша, все обременения теперь на вас.

– Здравствуйте, – поздоровалась с мужчинами Айгерим. – Для начала мы всё проверим. Правильно ли оформлены были документы на залог. Затем вам придётся доказать, что ваш клиент получил деньги. Поскольку Оксана Васильевна скончалась, и мы не знаем, сколько она получила и когда. Дальше мы выясним, какими образом была оформлена в собственность квартира с обременением на постороннее лицо. Не всегда покупатель или наследник квартиры платит по долгам бывших владельцев. И никогда больше не встречайтесь с Олесей Ивановной лично. Любое общение с этой минуты будет происходить только в письменном виде и официально.

У мужиков вытянулись морды. Глаза зло заблестели. Айгерим взяла меня под руку и повела к университету.

– Думаю, после этого они отвянут от тебя, – усмехнулась девушка. – Такие встречные, поперечные не готовы в суды подавать. Обычно документы не в порядке и доказать получение денег не могут.

Айгерим встретила знакомых и оставила меня одну.

Я ещё долго оглядывалась назад, но мужчины ушли. Оставив мне камень на сердце. Вот это я влетела! А если они не отстанут?

– Леська!!! – на меня запрыгнула коровушка Рита.

Щеголяла в новеньком платье. Замечательное. Прядало недостатки фигуры и подчёркивало достоинства. На каблучки встала. Интересно, сколько ей заплатили?

– Слушай, Лесь. Мы с Колей собираемся уезжать, а у меня место горит. Гимназия три раза в неделю...

Блин, эти три раза в неделю, прямо ножом по горлу.

–... кружок ИЗО в гимназии. Платят не много, но дети приличные, и забот никаких. Возьмёшь?

– Да, – кивнула я. – Мне работа нужна.

– Отлично, – она всунула мне какой-то листочек с телефоном и адресом. Поменялась в

лице, широко улыбнувшись. От этого её щёки полностью скрыли глазки. – Привет, Мартин.

Рита Мартина любила. Его все любили, он у нас перспективный юрист с богатым папочкой, как Айгерим.

Видела я его водительские права, так что Мартин - он для нас, а так Мартын. Я ржала долго и упорно, потому что имя у меня ассоциировалось исключительно с цыганами. Я даже знала парочку таких.

Мартин высокий брюнет. Не то чтобы симпатичный, его делала брендовая одежда и особенный лоск, но больше всего девушек привлекали его машина и наличные.

И я не стояла в стороне. В отличие от других девушек, которыми владел Мартин, меня он ни разу не затащил в свою постель, но свозил к родителям. И скажу я вам, лучше бы он меня трахнул и бросил, чем вот такое унижение пережить. Его «замечательная» маман пыталась вытереть об меня ноги, смешала меня с грязью, обозвала последними словами и велела к своему драгоценному отпрыску не приближаться. Потому, что я, по её мнению, нищенка с помойки.

А Мартын влюблён. На первом курсе пытался соблазнить, на втором проиграл кучу денег друзьям, потому что не смог меня поиметь. На третьем уже задумался о свадьбе, и в начале этого учебного года свозил к своим родителям, после чего я ему всё сказала.

Но он не отстал.

И я знаю почему. Я славлюсь, как самая приличная, самая недоступная девушка университета. И внешностью не обделена. Все думают, что я такая нежная, волшебная целка, которую никто поймать не может.

Милые мои! Я родилась и жила в деревне. Я до переезда в город, так оттянулась, что до сих пор стыдно. У меня всё попробовано, Мартину краснеть и краснеть за меня. А потом, я решила начать новую жизнь и в университете не гуляла. Затем, мама умерла.

У меня просто нет сил на сексуальные утехы. Когда ровесники по клубам прыгают, я вкальваю на трёх работах.

Если вы чего-то не видели собственными глазами, не значит, что этого нет. Так что зря обо мне такое мнение сложили.

– Привет, Леся. Потрясающе выглядишь. Раньше не красилась, – он восторженно смотрел только на меня. – Встретимся сегодня в кафе, можно в студенческом?

– Нет, – сразу поставила все точки над «и». – У меня работа, я слишком занята для уединённых встреч.

– Лесь, – он неожиданно взял меня за плечи и заглянул в глаза. – Диплом вот-вот. Я хочу, чтобы ты рассмотрела мою кандидатуру на роль будущего мужа.

– Так она замуж только что вышла!

Рита, ёхарный бабай! От того, что Мартин сейчас от меня отцепится, он же к тебе не прицепится. И Колю твоего не выгонит.

Но может и к лучшему. Жениться Мартину на мне никто из его родителей не позволит. А самому Мартыну только одного и нужно. Я его гордость задела, он меня не выиграл. Ничего не получил, самовлюблённый мажор.

Руки парня оторвались от моих плеч. В его взгляде: борьба и великие войны. Там и ревность, там и обида, и злоба, жажда мести и погибающая любовь. Лицо меняло эмоции. Мартин с трудом переварил информацию.

– За кого? – злобно прошипел он.

Рита поджала нижнюю губу. То, что брак фиктивный, говорить запрещалось.

– За мужчину своей мечты, – хмыкнула я и, отвернувшись от них, пошла в университет.

В мастерской Олега Андреевича, нашего препода по живописи было пусто и одиноко без хозяина. Он ушёл в запой к диплому обещал вернуться.

Мастерская была захламлена почти до потолка мольбертами, этюдниками и сотнями холстов. Пахло растворителем, красками и перегаром. В углу, чтобы никто не нашёл, спал, укутавшись в старый ковёр Лёха Поликарпов.

В мастерской был отдельный вход через крохотный ботанический сад, что принадлежал факультету биологии. Поэтому в университет можно было попасть никем незамеченным.

Лёша уже два года, как ушёл с нашего факультета, но бухать исправно наведывался именно в царство живописи. И чтобы не попасть охранникам на глаза, не ложился на узкую койку, а предпочитал валяться в шалаше из старых картин.

Я стояла у маленького круглого зеркала. Нет, зеркало было большим, всё расписанное лесными чащами, осталось только кусочек, как озерцо на пейзаже.

Пальцами подтёрла под глазами потёкшую тушь. Я всплакнула.

Оплатила всю коммуналку и разрыдалась. Оказалось, что у меня срок опломбировки счётчиков вышел три месяца назад, и мне впарили счета по нормативам. А это очень много! Пятьдесят тысяч.

Раз. И нет половины моей суммы. По этому поводу кафе отменилось, и я хлебнула супчика в студенческой столовке. Зато, обещали электричество включить. И сделать опломбировку счётчиков. Так что придут, всё исправят, и в следующем месяце я не буду переплачивать.

Сняв с зарядки свой телефон, я набрала номер гимназии. Долго трубку никто не брал, и я слышала противные гудки. Потом приятный женский голос спросил, чего надо.

– Я с факультета графики, – сказала строгим поставленным голосом. – По поводу кружка ИЗО.

– Понедельник, вторник, пятница. Временный договор. Двести пятьдесят рублей за урок.

– Хорошо, – это мало, но мне на супчик хватит. – Со следующей недели?

– Да, подходите к десяти утра.

– Договорились. Я буду.

Заревел Поликарпов, выбираясь из-под ковра. Прошёл ко мне на четвереньках и стал возвышаться за спиной во весь свой богатырский рост. Я смотрела на него грустными глазами в отражение, и понимала, что кому-то страшно не повезёт встретить вот такого медведя и посвятить ему свою жизнь. Он гулящий, он пьющий, он ненадёжный. И по помятой физиономии, которая появилась в середине недели, стало понятно, что его тоже уволили.

– Леся, – грубо пробасил Поликарпов. – Ты прекрасна! У меня для тебя сюрприз.

– Только быстро, у меня счётчик придут опломбировать в четыре, – вздохнула я.

– Колировка.

О! Это слово! Оно меня завораживало. Колористами эмалей работают молодые люди, у которых хорошая цветочувствительность глаз. Обычно краску к побитым машинам подбирают по формулам. Но настоящий профессионал делает это на глаз. Зарплата у таких людей большая. И необязательно работать на одну автомастерскую, можно быть мастером

по вызову.

Я восхищённо округлила глаза и повернулась к Лёшке.

– Да. Три раза в неделю, – он улыбнулся, дыхнув на меня отвратительным перегаром. –

Поцелуй за это. Завтра можешь попробовать.

Целовала я его в щёку. А Лёха заворчал и, схватив меня в свои крепкие объятия, уткнулся носом мне в шею, исколол жёсткой щетиной кожу.

– Эй, эй, – я пыталась его оттолкнуть. – Лёша, держи себя в руках.

Но Поликарпов в своих руках держал меня.

– Выходи за меня замуж, Перепёлка.

Он закрыл глаза, и я была вынуждена дать ему насладиться своим теплом и нежностью.

Пока он не начал заваливаться на меня.

Хрюкнул и проснулся.

– Вот, – он дал мне визитную карточку. – Его зовут Юрик. Он тебя устроит.

– Спасибо! – я быстро его ещё разок чмокнула и поспешила удалиться, прихватив сумку и свой телефон.

Жизнь прекрасна! Чего ещё желать?

Выходя из университета, я наткнулась на Таню Лопухину. Ту самую, которую упоминала Ритка, как претендентку на фиктивный брак.

Таня натуральная блондинка, художавая художница. Стояла у парковки и курила. Она воплощение спокойствия, харизматичности и блудливости. Благодаря своему любовнику Мартину Липову(да, да, тому самому, что делал мне предложение, он у нас ходок) находила заказчиков. Она писала портреты на холсте в средневековых нарядах или по моде времён императора Николая II. У неё околачивались бизнесмены и чиновники, и Таню любили богатенькие дамочки, особенно когда она им подрисовывала рабов за спинами.

А я её не любила и сторонилась. У нас одно общее –мы сироты. Она также осталась без родителей, но с квартирой. В отличие от меня, Лопухина жила богато.

– Привет, Леся, – она всегда говорит тихо и размеренно. – У меня есть работа для тебя.

Никогда! Прости, Таня, но ты меня пугаешь.

– Я по завязку занята, – натянула я доброжелательную улыбку. – Три раза в неделю ИЗО-студия, три раза в неделю колировка, три раза в неделю выгуливаю страшное животное.

– Если хочешь, приходи в пятницу, у меня бомонд будет. Хорошие связи не помешают таким, как мы.

– Ладно, если будет время. Пока.

Таким, как мы.

Обделёнкам?

У неё материнские чувства ко мне проснулись. Только я не хожу такими тропами. Не сплю с богатенькими мужиками, а их жёнам не пишу портреты полные лести. Ни ногой на твой бомонд, Таня.

Я пешком пошла домой. Заглянула в маркет, где шиканула и купила себе творог и сметану. Ещё гороха на супчик и маленькую шоколадку. Больше так тратиться не буду. Пятьдесят тысяч нужно сохранить до холодов, у меня сапоги зимние прохудились, и куртка в хлам развалилась.

Возвращалась домой вся в мечтах. Хорошее лето мне предстояло, много работы и большая перспектива подучиться на колеровщика. Это всё перекроет! Все горести и одиночество.

Возле дома буйной зеленью росли кусты. Старый сосед стриг их секатором, чтобы не лезли на дорожку своими ветвями. На лавочке сидели бабушки. Я поздоровалась с ними. Они шушукались, показывая на небольшую стоянку за дорожкой. Там припарковалась большая чёрная машина.

У меня мороз по коже.

Я вбежала в подъезд, потом в лифт и доехала до своего седьмого этажа.

Пока стояла в кабинке, передумала все страшные мысли. У меня забирают квартиру! Это компания, которой должна моя мама, не слезет с меня! Такие люди будут выбивать из меня деньги всеми путями. Они наверняка знают, что я одинока и беззащитна. Чёрные риелторы не дремлют.

Створки лифта открылись, я выскочила на лестничную площадку. И даже простонала от горя. В моей квартире меняли дверь.

В квартире стоял невероятный запах. Пахло жареным мясом, специями и фруктами. В прихожей был постелен красный ковёр с золотыми и белыми завитками. На нём кроме моих сандалий, под вешалкой стояли чёрные мужские туфли. На самой вешалке, рядом с моей курткой мужское чёрное пальто. За ручку повешен чёрный зонт.

Даяр Иванович вышел ко мне в толстом полосатом халате коричневого цвета, в шлёпках на волосатых ногах. Он был мужчиной крепким. Из-под закатанных толстых рукавов торчали сильные предплечья, разукрашенные наколками. На безымянном пальце правой руки поблёскивали белые камушки обручального кольца из мрачного серого металла.

У него было странное лицо, которое я в загсе не рассмотрела, а теперь впиалась взглядом. И не потому, что я перестала его бояться, а потому, что это животное обосновалось в моей квартире, что в договор не входило.

Глаза чёрно-карие были очень большими, имели миндалевидную форму. Под ними тёмная кожа, что встречается у личностей очень властных. Вкупе с густыми ресницами и широкими чёрными бровями, появлялся очень тяжёлый взгляд. Не просто пронзительный, режущий на куски, разрывающий и поглощающий.

Это взгляд хищника.

Прямой нос, чуть загнутый к кончику, походил на клювик. Губы чёткой формы окутывала сизая щетина.

И венчало это всё добро шапка из густых чёрных волос.

Красиво, но пугающе.

И тут Даяр улыбнулся, ослепительной белозубой улыбкой. Казалось, немного изменился, но скалился, как зверь.

Он раскинул руки в стороны, в гостеприимном жесте, и с ярким южным акцентом сказал:

– Жина, дорогой! Проходи, кушать будэм.

У меня из рук выпал пакет.

Я стояла статуей, смотрела на фиктивного мужа, а за моей спиной мастер, что ставил дверь, вешал на полку связку ключей.

– Работа выполнена. Всего хорошего.

Он ушёл, столкнулся в двери с неказистым мужичком, который пришёл опломбировать счётчик.

Представитель водоканала, заметив под ногами чистейший ковёр, снял обувь. Встал рядом со мной.

Глаза Даяра поменяли цвет, стали более глубокими. Брови съехались к переносице, появилась глубокая морщина. Он медленно опустил руки.

– Это штё? – строго, как настоящий ревнивый муж, поинтересовался Даяр.

– Здравствуйте, – весело так, неунывающе, поздоровался мужичок, – опломбируем счётчик на воду.

Даяр ещё сильнее нахмурился. Мимика на лице была впечатляющей. Думаю, ему говорить ничего не надо, он может лицом показать, что к чему. Брови его взлетели вверх, и он опять радостно раскинул руки в стороны.

– Заходи, челявек, делай работа!

Они ушли в ванную комнату, оставив меня одну стоять в молчаливом ступоре.

Это пипец!

Надо пройти по комнатам посмотреть, не спрятан ли гарем по шкафам.

Я сняла туфли, подняла свой пакетик. Вначале заглянула в гостиную.

Надолго мужчина приехал.

На диван был накинут шикарный молочно-голубой ковёр. На журнальный столик золотая салфетка. На ней кальян. Несколько чемоданов и ноутбук на подоконнике.

Ковёр на полу красный.

Я посмотрела в коридор. В мою комнату была открыта дверь. Весь пол был усыпан коврами.

Я зашла в спальню. На кровати моей было шёлковое покрывало нежно-розового цвета и накиданы подушки с кисточками на концах. Был ещё большой, толстый валик.

И первая мысль, что пришла мне в голову, что кровать у меня в квартире одна. А замка на двери в спальню нет.

Ай, да Ритка! Какая молодец! Я тебе припомню!

Даяр Иванович всучил сантехнику какие-то сухофрукты и выставил его за дверь.

Мне теперь в собственной квартире не переодеться спокойно. Сжимая сумочку в руках, я повернулась к мужику в халате.

– Даяр Иванович, нам надо поговорить, – хрипло прошептала я. – произошло недоразумение.

Животное заложило руки за спину и накренилось вперёд, подставляя одно ухо ближе ко мне. При этом полы его халата нескромно распахнулись и мелькнуло чёрное мужское бельё. Пришлось смотреть вверх его головы. И я увидела, что на кухне сменен стол. Поставлен красавец широкий из тёмного дерева. Усыпан едой.

А я ела супчик. Когда-то давно.

– Меня не предупредили, что вы будете жить со мной. Я прошу вас покинуть мою квартиру немедленно. И заберите свои вещи.

Он медленно стал выпрямляться. На инстинкте самосохранения, я сделала шаг назад.

Не поднимая головы, Даяр посмотрел на меня. И тут я поняла, что он никуда уходить не намерен. И, возможно, его не предупредили, что брак ненастоящий. Или он вообще не знает, что такое фикция.

Этот взгляд надо фиксировать. Это что-то за гранью человечности. У меня подкашивались ноги от страха.

– Я тебе сам барашёк пожарил. Кушать пошла!

– В смысле... пошла? – я кашлянула. – Это моя квартира, уважаемый. Я вызову полицию. Деньги верну. Вещи забрали и ... Убирайтесь отсюда!!!

На этом моя смелость закончилась. Даяр подскочил ко мне.

Я заверещала и стала лупасить его сумкой. Сама поразилась, какой дикой я бываю. Сумку мужик откинул на кровать. В одно движение, применил борцовский приём и поджал предплечьем мою шею, потащил моё тельце на кухню.

– Тощий маленькаий жэна! – он старался меня перекричать.

Я сопротивлялась, вцепилась в его руку, запустив в кожу острые ногти. Била пятками по ковру, когда он волоком протащил меня по коридору.

– Глуупий маленький жэна, – он разлохматил рукой мои волосы и кинул меня на стул.

Я уткнулась носом в потрясающе пахнущее блюдо.

Всё. Решим вопросы позже. Я взяла ложку и попробовала похлёбку. Она была до невероятности вкусной, но острой.

Воцарилась тишина в нашей фиктивной семье.

Я кушала, животное тоже. Подсовывал мне то кусок лаваша, то горсточку винограда. И я через некоторое время поняла, что мне надо прилечь.

Сухо поблагодарив мужика за ужин, я медленно поплелась к себе в комнату, где завалилась на кровать и почти сразу уснула.

Я всё поняла. Меня отравили и забрали квартиру. Им нужна была недвижимость в городе. Они её у меня отобрали.

А что? Документы в квартире, подпись подделать не проблема. Вот я лежу и не двигаюсь. Умерла наверно. Или выброшена на какой-нибудь вокзал к бомжам под бок.

Нет, умерла. Потому что мне... ОЧЕНЬ хорошо! Я сытая, отдохнувшая. Ничто меня не беспокоит. Под щекой шёлковая подушка. Пахнет пряностями и сладостями.

Открыла глаза. Было раннее утро. Опять радовало яркими лучами солнца. Теперь насыщало розовым цветом не только занавески, но и покрывало, которым я была укрыта. Насколько помню, я на него завалилась и уснула. А тут укрыта... Не вспомнила, когда закуталась в него.

Села и потянулась. Платье помятое, волосы растрёпанные.

Сегодня важный день. Не только потому, что я буду звонить таинственному Юрику, который подарит мне работу мечты. Но и придётся объяснить барану Даяру, что в этой квартире живу я. И живу одна!

Встала на ковёр, обнаружив, что не сняла вчера капроновые колготки. Не почувствовала неудобства. От сытости так сморило, что проспала часов девять, безмятежно и сладко.

Пошла в ванную комнату, чутко прислушиваясь, как там мой сожитель. Свалил?

В квартире пахло кофе. Потрясающий запах! Захотелось выпить чашечку кофе с утра, полюбоваться на парк в окно кухни и встретить утро в хорошем настроении с улыбкой на лице.

Я улыбнулась, как говорила мама. Новый день будет хорошим.

В ванной лежал голый мужик.

Густая пена закрывала его мужское достоинство, но всё остальное не влезало и торчало наружу. Волосатые колени вверх. Торс... К стати, достаточно приличный в плане анатомии. Крепкие мышцы на плечах и руках. Много наколок. Рисунки всех мастей. Их я рассматривать не стала.

Даяр откинул голову на сложенное полотенце. Не моё. Махровое, белоснежное. У меня всё застирано и заштопано по нескольку раз.

Волосы мужика были зализаны назад, что открывало спокойное лицо. От влаги волосы стали иссини-черными.

Он говорил по телефону на неизвестном мне языке.

Всё бы хорошо, только санузел совместный. Пришлось воздержаться.

Я встала у раковины и посмотрела на себя в зеркало. Приблизительно так выглядят девушки после дикой пьянки. Я же забыла, что нарисовалась. Тушь потекла, оставив чёрные круги под глазами. Размазалась помада по щекам, к ней прилипли волоски. Волосы торчали в разные стороны, напоминая воронье гнездо.

Включив воду, я взяла кусочек хозяйственного мыла, и вспенила его в руках.

– Падаряк, – гаркнуло животное и, напугав меня, кинуло прямо в раковину большую коробку.

По красивой красно-золотистой обёртке заплескала вода, брызгая по сторонам и на моё платье, в том числе.

Пришлось отойти от испуга.

Что, зверь? Войны захотел?

Я швырнула его «падаряк» в ванну. Вода с пеной брызнула ему в лицо. Плевать на его грозный взгляд. Овец пугай своей мордой. Зверь.

Я намылила лицо, слушая, как шелестит обёртка, и гаркает Даяр в трубку.

Смыла всю краску с лица. В отражение заметила, что животное обёртку кидает прямо в унитаз. Распаковывает картонную упаковку, отправляя туда же.

Мужик стал выставлять на бортики старой ванны невероятно красивые тюбики и флаконы. Они были нежно-розового цвета, как занавески в моей комнате. Имели золотые колпачки и витиеватые надписи.

Пусть себе оставит.

Ёршиком для чистки унитаза, я собрала всю обёртку и упаковку, нанизывая их на щётку. И, вытащив всё из унитаза, вместе с ёршиком кинула Даяру в ванну.

Чтобы не наткаться на злобный взгляд, гордо закрыла занавеску, что отделила ванну от унитаза. И присела на стульчак.

Дожила. В собственной квартире даже пописать спокойно не дают.

Животное пыталось отодвинуть в сторону занавеску, но я упорно удерживала её. Она куплена ещё моей бабушкой, много лет назад. Дождалась целлофановая старушка, порвал зверь с востока, случайно затесавшийся в моё жилище.

Успела трусики и колготки натянуть, прежде чем Даяр несчастную занавеску сорвал с петель и швырнул в меня, вместе с ёршиком.

Я резко пригнулась. Кинутые в меня: ёршик, полотенце, остатки мокрой обёртки и несколько чудных тюбиков, пролетали мимо в открытую дверь и падали на ковровую дорожку.

Пока он не успел вылезти из ванной, я побежала переодеваться. Я уже поняла, что запирается от него бесполезно. Не снимая платья, влезла в узкие голубые джинсы. Только после этого отправила платье в шкаф, не на вешалку (времени не было, оно уже рычало у дверей), так кинула. Натянула на себя широкую кофточку нежно-сиреневого цвета. Стала убирать волосы.

Кинула взгляд на ревущего Даяра. Он не обтёрся, завязал полотенце на бёдрах. Не отличался густой растительностью, как восточные мужчины. Так, средней волосатости. А вот фигура, закачаешься. Нужно его обязательно нарисовать или изваять. Просто образцово-показательный самец.

Злой на морду, правда.

– Убирайтесь из моей квартиры, Даяр Иванович, – прошипела я. – В договор совместное проживание не входило. Это моя жилплощадь. Я вызову полицию.

– Я зяплючу.

– Заплачешь или заплатишь? В любом случае... Нет!!! Уходи!

– Деньга, – он пощёлкал пальцами правой руки. – Сколько деньга нужен?

– Мне не нужны деньги! – возмутилась я, ставя руки в бока. – Я хочу спокойно писать по утрам!!!

– Много денег, жэна. Ты купить себе приличный трусы.

Мне до слёз обидно стало, что его кольшут мои трусы. Они нормальные, подглядывать меньше надо!

– Раз так много денег, снимите себе квартиру.

– Я тэбя хочу! – он расправил руки в стороны, готовый принять меня в свои объятия.

– Вы меня слышите? Вы меня понимаете? – я просто не знала, как достучаться до этого дуба. – Вещи забирайте и уходите!

– А кто тебя кормить будет?! Кто одевать, обувать будет?! – он выставил вперёд указательный палец, поучая меня.

– Сама, – я спокойно смотрела в его красивейшие, глубочайшие чёрно-коричневые глаза. И поняла, что я их где-то видела. Очень давно... – С вами можно договориться? Я хочу жить одна. Я вас не хочу!

– Да ты не пробовал, – расплылся в улыбке Даяр и стянул с себя полотенце.

Леся, держи себя в руках. Это просто натурщик. Очень живописные у него части тела. Внимательно посмотри и пойми, на сколько, он пропорциональный.

Такое разочарование появилось на лице моего фиктивного мужа, когда я с невозмутимым лицом стала его мерить пальцами, прищурив один глаз.

– Хюдо, тьфу, жовник, – он прикрылся полотенцем обратно. Поднял глаза на мой декоративный натюрморт. Из его поганого рта вырвалась матерщина, которая характеризовала мою работу, как нечто ужасное. При этом маты он произносил на чистом русском языке.

Я пальцами запечатала его в рамочку. Решено. Напишу портрет.

– Баран необразованный, это искусство!

Я не обиделась. С быдло встречалась часто.

– Как назваль мэна? – угрожающе спросил он, и уставился, как баран на новые ворота, накрывая чёрную голову вниз.

– Бря-я-яшек, – проблеяла я. – Тупоголёвый баряшек. Свали из моей квартиры!

– Ну, всё, Леська, ты доигралась.

Даже голос изменился. Я опешила, во все глаза уставилась на него.

– Так это всё розыгрыш? – я чуть не задохнулась от возмущения. – Издевался так?! Не подходи!

Но он подошёл. У него руки, как у меня ноги.

– Грех не стебануться, – заржало оно. – Хорошенькая, сил моих нет.

– Слушай... уходи нафиг из моей квартиры, – злилась я.

Но Даяру моя злоба только повод для веселия, как собственно его грозная морда для меня.

– Я здесь буду жить, – рычал Даяр, наступая на меня. – С женой своей!

– Это же фиктивный брак?! – возмущалась я, пятясь назад.

Наткнулась спиной на свой мольберт и вытянулась по декоративному натюрморту.

– Я реальный мужик, с реальными желаниями и брак у меня реальный. Если не хочешь жить в этой квартире, она между прочим дерьмовая, то переедем.

Этот взгляд!

Взгляд, вызывающий желание склониться и подчиниться. Что-то запредельное. Выбивающее из равновесия, сражающее наповал своей строгостью и верховенством. Завораживающее главенство, которое не терпит пререканий.

Леся... Беги, Леся! Хватай, что есть и беги от него!

– Не получишь..., – я должна была хоть как-то постоять за себя. – Ни моей квартиры, ни меня...

– Мне твоя квартира даром не нужна, – усмехнулся Даяр, продолжая приближаться. Прижал меня к холсту. Неожиданно улыбнулся во всю пасть. – Давай дружить, Олеся Перепёлкина. Птенец.

Вот стою я перед ним и чувствую, как полотенце на его бёдрах приподнялось.

И стало мне страшно.

Я ударила его по лицу. Даяр не ожидал такого, тяжело вздохнул, потеряв свою щёку.

– Не надо приближаться, не стоит приставать, – кошкой зашипела я.

– А то что? – тихим шорохом спросил он, прищутив свои страшные глаза.

– Ты насильник?

– Я твой муж.

И тут началась драка.

Он хотел обезвредить меня, перехватив руки. Но с реакцией у меня всё нормально, я мгновенно ему в волосы вцепилась. И не смог он меня от себя оторвать. Бить не стал, начал щекотать в районе талии, забравшись руками под широкую кофту.

А щекотки я до ужаса боюсь!

Я заорала во всё горло. Не желая отпускать его густые волосы, поджала ноги, оторвав их от пола. Повисла на волосах Даяра всем своим весом.

Он, конечно, щекотать перестал и ухватил сильными руками меня за талию. Но...

Боднул мой шедевр, пробив тупой башкой холст насквозь. Переломал рамку и вообще мою дипломную работу повалил вместе со мной и мольбертом на пол.

Крик перешёл в жалобный скулёж. Я пыталась собрать воедино свой натюрморт. Вся жизнь пролетела перед глазами, точнее последние четыре года учёбы, которые должны были закончиться дипломом. Но, похоже, закончится скандалом с фиктивным мужем и горячими

слезами.

Меня затрясло от горя. Мне так нравилась моя работа, я с таким желанием и вдохновением её писала, что в этот момент не холст был разорван на куски, а сердце.

Слишком тонкий холст, слишком тонкая рамка. Всё изящное и хрупкое одним разом разломало громадное, злое животное.

Дрожащими руками, я взяла лоскутки ткани.

– Леся, – мягко позвал Даяр, присев на корточки рядом со мной. – Не расстраивайся... на набережной такого барахла за бесценок можно купить...

– У меня завтра диплом. Это была дипломная работа, – обречённо простонала я. – Ты уничтожил меня.

Он потянул меня вверх, пытался заглянуть в глаза. От него пахло кофе и пеной для ванны. Воняло полным непониманием и неспособностью вникнуть в моё горе.

Грубое животное, безмозглое и некультурное. Оно ворвалось в мою жизнь и растоптало её.

Я размякла, и Даяр ослабил хватку. А ещё в дверь позвонили.

Я, прихватив свою сумку, уныло, обошла валяющиеся вещи напротив ванны, и поплелась открывать.

Подлая засранка! Именно она меня ввергла в этот хаос, внесла в мою жизнь полный ад. Ещё и деньги ей за это заплатили.

Ритка вошла в прихожую всё в том же новом платье. До конца лета не снимет. Она обомлела, рассматривая ковёр под ногами. Уставилась на чёрное пальто, что висело на вешалке и мужские туфли.

– Лесь, – удивлённо посмотрела на меня. – Кто у тебя?

И тут началось представление.

Вышел в халате Даяр, но запахнул его не полностью. Грудь с волосками и наколками, рукава засучены.

– Жина, это что за полный луна?

– А это моя подружка, – я зло посмотрела на Ритку. – Звони, муж мой, друзьям, пусть быстро приезжают.

У Риты отвисла челюсть. Она была не в курсе за кого я вышла замуж, и так же, как и я, наивно полагала, что фиктивный муж не придёт ко мне жить.

Даяр - животное впечатляющее. Оно одним взглядом так пугает, что хочется сразу лапы отбросить.

– Заходи дорогой! – расставил руки в стороны Даяр и двинулся к Ритке, которая сошла с лица и сильно побледнела. – Сейчас Абдул, Мухамед и Руфат приедут! Винё, шашлик привезут, тебя любить будут.

– Заходи, подруга, – я рывком швырнула её к Даяру, но весовая категория у Риты солидная, поэтому она спокойно дёрнулась из моих рук и, спотыкаясь на своих каблуках, выскочила из квартиры, как ошпаренная.

Воцарилась тишина.

– Трусливая у тебя подружка, – усмехнулся мужик и ушёл в свою комнату.

В свою!!! У него теперь есть своя комната! В моей квартире. Двустворчатые двери с потемневшими стёклами не закрыл, чтобы мелькать передо мной в неглиже.

Придурок! Мало баран, ещё и мудака в полной красе.

– Лесь, птенец, давай тебе ремонт сделаем? – спрашивал он из комнаты, как будто

ничего не произошло. Как будто давно знакомы или вообще любовники и друзья с детства.

– Иди к чёрту, животное, – расстроилась я и вышла из квартиры, взяв ключи от новой двери.

У меня никого нет в этом мире. Но что касается живописи, то есть один святой человек, который всегда меня поддержит. И я очень надеялась, что он вышел из запоя. Завтра же диплом.

Олег Андреевич всегда носил рубаху в клеточку и чёрные брюки. У него были седые волосы сосульками до плеч и белоснежная борода. Стеклянными, светлыми, как ясное небо глазами, он смотрел на меня с самым глубоким сочувствием.

Про мужа я ему не рассказала, а про натюрморт всю душу наизнанку вывернула. И он плакал со мной. Слез не было, а сострадание на лице отобразилось такое, что я хотела броситься к нему в объятия, как к самому дорогому человеку.

– Лисёнок, налей мне рассола в стакан, – сказал препод и поковылял вглубь мастерской.

Я, тяжело вздохнув, пошла к столу, где в гранёный стакан вылила рассол из трёхлитровой банки домашних солёных огурчиков, и украсила коктейль зонтиком укропа.

Со стаканом в руках я прошла за Олегом Андреевичем. Он залез в какие-то такие дебри, что пыль стояла столбом. Разорил склад старых картин. Вытащил на свет работу. Два на два метра, не меньше. Поднял холст над головой и стал пробираться обратно ко мне.

Он установил полотно на мольберт и принялся скидывать с него слой старинной пыли. На картине был нарисован декоративный натюрморт. Не такой, как у меня. Да ещё и маслом.

– Подойдёт тебе, – Олег Андреевич забрал у меня стакан, и, не отрывая взгляда от картины, выпил рассол. – Вот здесь киноварь убери.

Он показывал то, что ему не нравилось.

– У меня заявлена гуашь, – обречённо пискнула я.

– Покрой гуашью.

Гуашь на масло!!! Это, как обои скотчем клеить.

– Олег Андреевич, это лажа, – оторопело сказала я, скривившись всем лицом.

– Лажа, Перепёлкина, когда печень больная, а выпить хочется.

– Так осыпется всё!!!

– Зафиксируем. День продержится, – отвечал боевой, бывалый препод. – Радуйся, что не акварель.

– Может тогда акрилом? – я уже готова была извиниться перед комиссией.

– Акрил дорого, а гуаши у меня попой кушай. И фиксатор найду.

– А если спалят? Рамка то старинная, – подняла глаза на художника. Он хмурился. – Обидно так.

– Тебе диплом нужен? Вот тут охру кинь, только не переборщи. Если сейчас начнёшь, то с перерывами к утру закончишь. Ваяй, как масло на хлеб, не стесняйся, возьми шпатель.

Это капец, животное! Ты на что меня подстрекнул? Гастарбайтер Трёхглавый! Я из-за тебя всю ночь буду такое творить, за что меня должны призирать все художники мира.

Потекла работа. «С перерывами» это значит, почти ничего не делать.

Откуда-то появилась банка с клеем ПВА, чтобы мою мазню крепить к другой мазне. Олег Андреевич поставил тепловую пушку и принялся мне помогать с другого конца холста.

После обеда сгоняла в студенческую столовку. Там голодные студенты всё уже подмели. Попросила по сусекам поскрести. Тётки жалостливые откликнулись.

С макаронками в коробке из-под красок, я шла обратно в мастерскую, когда зазвонил телефон.

– Олеся Ивановна. К сожалению, мы хотели подать на вас иск, – сказал женский голос.

– Да, подавайте уже, – я и забыла про них.

– Но в сложившейся ситуации, ваши долги переходят фирме посреднику. Всего хорошего.

Это что значит?

Тут же раздался ещё один звонок. Говорил уже грубый мужской бас.

– Здравствуй, Олеся. Надо квартиру продать, чтобы долг вернуть. Неделю думай.

И трубку бросил. А я отключила телефон.

Можно представить, в каком я виде принесла ужин Олегу Андреевичу. Он всё скинул на мою тоску по дипломной работе и взялся с другой стороны холста, обновлять рамку.

Ближе к полуночи появился Поликарпов. С бухлишком. Олег Андреевич долго гипнотизировал портвейн. И чем закончилась магия художника, я не помню, потому что отрубилась на узкой койке, среди барахла испачканного краской, предварительно заглотив стакан дешёвого пойла.

«Я в белой блузке и своей чёрной юбке-карандаш. С отличным макияжем и причёской сделанной в салоне...»

В грязных джинсах, помятой кофте. Волосы из хвоста выпадают. Из дипломной работы - листы.

Животное, разве так я представляла свою сдачу диплома? Поликарпов и Олег Андреевич дотащили многотонную монументальную работу в актовъй зал. Все однокурсники с иголочки, я с перегаром. Встала рядом со своим преподавом, чтобы слиться с ним, так сказать, в одно амбре.

– Лесь, ты Юрке сегодня позвони, – попросил Лёша. – Очень нужна твоя помощь. Там заказ денежный. Машину перегоним, покрасим и деньги сразу.

– Обязательно, – кивнула я, стараясь на него не смотреть. Не потому что стыдно, а потому что достал так пялиться.

Поликарпов ушёл, и я опять воспряла духом. Улыбаться блистательно не стала, потому что зубы не помню когда чистила. Как Мона Лиза стояла загадочно у загадочного полотна и защищала чью-то старую работу.

В зале на стульях и скамейках расположились родители и преподаватели. Как жаль, что моей мамочки среди них не было. Она бы мной гордилась. Она бы не допустила фиктивного брака и звонков... Мы бы разобрались, брала она в долг деньги или нет.

Добрая, нежная, ласковая. Она работала фельдшером. И так за каждого своего пациента переживала, что большое сердце не выдержало.

На глаза хотели навернуться слёзы. Но плакать я передумала, когда увидела, что среди толпы, как пропасть в чёрную бездну, сидит Даяр.

Сразу я его не признала. Он постригся. С висков выбрил жгучие лохмы, по моде. Щетина, как аккуратная бородка, сбрита острыми гранями.

Очень красиво!

Рубаха чернильная, расстёгнута у ворота, сверху чёрно-серая безрукавка на серебристых пуговицах. Он ко мне на диплом краше, чем в загс пришёл.

Сейчас разбежится и лбом об мою дипломную работу. Только вот её тридцать лет назад делали. Там такой холст! Там такая рама! Ещё не известно на что это масло накладывали. Может на гуашь.

И животное погибнет у пьедестала искусства.

Даяр смотрел на меня. Пристально, внимательно. Горели жутким пламенем его большие мглистые глаза.

Смотри, баран, что ты сделал с моей мечтой! Я грязная и с похмелья вещаю о декоративном натюрморте. Теперь, как единое целое с Олегом Андреевичем, который стоял рядом с «моей» картиной, закрыв глаза, и покачивал головой в такт моему монотонному рассказу.

Зрители подарили мне скупые аплодисменты.

На краю моей картины зафиксированная гуашь печально отходила от масла. Ещё час и рухнет моя работа, оголив правду.

Олег Андреевич проследил за моим взглядом. Проснулся, встрепенулся и быстро сгонял за белой тканью, которой укрыл не мой «шедевр».

И я, поблагодарив преподавателя живописи, закинула свою сумку на плечо и поплелась из актового зала.

Даяр жёг меня взглядом.

Я шла по коридорам, спускалась с лестницы, а он следом. Можно было не оглядываться, я чувствовала дыру в спине. Преследовал меня.

Я вышла из университета. На улице было прекрасное солнечное утро. Позднее, об этом напомнил урчащий желудок. Перед проезжей частью стоял здоровый чёрный внедорожник. Жутковатая машина. Окна тонированы, полировка отражала лучи солнца.

У джипа тусовался носатый черноглазый парень, что сопровождал Даяра в загс. Это он забрал моё обручальное кольцо. Заметив меня, широко улыбнулся.

А я резко повернула в сторону и прошла к парковке.

Там, у урны стояла одинокая художница Таня Лопухина, которая сдала диплом раньше меня. Тоже решила не тусоваться с однокурсниками. За её спиной был припаркован её личный фольксваген «Жук» жёлтого цвета. Она его ласково называла: «Мой Бамблби».

Это от одиночества начинаешь разговаривать с вещами. Вот я однажды куплю себе белый Мерседес и буду говорить ему: «Мой белый мерин, как хорошо, что ты скинул принца и верно служишь мне».

Таня курила и вроде была не в этом мире. Надо узнать, что она курит. Я тоже хочу иметь такой пофигизм на лице.

– Мартин злится на тебя, – спокойно сказала Лопухина. – Мой совет, избегай с ним встреч. Он подлый мужик.

– Тань, можно я у тебя переночую? – спросила я. – Сегодня на работу схожу и к тебе на бомонд.

Таня затянулась дымом и покосилась в сторону чёрного внедорожника. Там Даяр говорил по телефону, что-то активно кому-то втирал. Парень, как охранник, вытянул шею и оглядывался по сторонам.

– Это твой фиктивный муж? – тихо спросила Лопухина. – Не дрефь. Ритака уже всем трепанула.

– Обещала молчать, – тяжело вздохнула я.

– Не стоит ко мне напрашиваться, – она внимательно смотрела мне прямо в глаза. – Трёхглав мужчина конкретный.

– Откуда ты его знаешь? – опешила я, почувствовав что-то вроде обиды.

– Один политикан молоденький, решил к твоему мужику подлизаться. Заказал мне портрет Даяра Трёхлава.

– Имей в виду, что твой портрет в моей квартире висеть не будет. – Это была ревность! Я сама Даяру портрет напишу! И пусть блудливая Танечка свои кисти не распушает! – Лучше скажи своему заказчику, что жена Даяра попросила нарисовать барана чёрного с глазами мужа.

Танька выкинула окурок в урну и строго посмотрела на меня.

– Похоже, Леся, ты не в курсе, кто такой Трёхглав. Я в такие игры не играю. Мне деньги заплачены, я заказ выполню. А свои шутки шути с Даяром лично, раз он не показывает тебе, кто есть на самом деле. Заметила, что никто из мужиков наших однокурсниц не пришёл. Родители - да, а мужья и парни - нет. И только твой сидел всё утро и на тебя пялился. Даже телефон отключил.

– И что это значит? – по коже холодок пробежал.

– Это южный мужчина. Они своего любят добиваться. Твой брак не фиктивный, а настоящий. – Таня хмыкнула уголком рта. – Ничего личного, Перепёлка. Но я криминальных личностей сторонюсь. Так что будь любезна, не приходи.

Она не попрощавшись, отошла к своему жуку и села за руль. Уехала, оставив меня одну стоять и думать о том, как страшно жить.

Даяр подошёл ко мне. В его чёрных глазах, я видела своё отражение. Такая маленькая Олеся Перепёлкина, падающая в чёрную дыру.

– Шмотки забрал? Из квартиры свалил, Даяр Трёхглав? – с вызовом кинула я.

Он сверлил меня взглядом, а я заметила, как округлились глаза молодого охранника за его спиной. Парень оторопело скривил губы, словно накосячил и ждёт удара.

Даяр резко выловил мою правую руку и закрутил на палец кольцо. Я зашипела от боли. Кольцо залезло с трудом и осталось, как влитое.

– Ещё раз о переезде тему поднимешь, будем переезжать вместе в нормальное жильё, – хрипло предупредил он.

– Вместе? Забудь такое слово, животное! Ты мне жизнь отравил, – нагло кинула ему в лицо, дёрнув руку к себе.

– Всё же хорошо закончилось, – улыбнулся он, как ни в чём не бывало. – Когда дипломы вручать будут? Я хочу тебе платье купить.

Ня-я-я!!! Платье!!! Хочу платье. Какое угодно, от любого кутюрье, лишь бы не от барана.

– Я не продаюсь, – прошептала я. – Один раз в жизнь согласилась на авантюру, только потому, что безвыходное положение было. И так вляпалась. Скажи, Даяр Иванович, возможно от тебя избавиться?

– Нет, – твёрдо ответил он.

Я ещё в загсе заметила, что это скала. До него не достучишься, сам себе на уме. Даяра не сдвинуть, не уломать. Он какой-то маньяк одержимый. И смотрел на меня как на своё имущество, которое выпало из поклажи. Ловил, подбирал, чтобы запихать за пазуху и таскать с собой. Трахнутый на всю голову. Безумием охваченный, и глаза у него злые.

– Нам надо обсудить всё, – решил он. Такой весь самоуверенный, настырный.

– Мы вчера уже поговорили. Мне не понравилось. Человек, который так относится к моему творчеству, рядом со мной находиться не должен. В твоём обществе я увяну, состарюсь и распадусь на запчасти.

– Ну, – протянул Даяр, почесав бородку. – Я действительно с искусством не связан. Но может быть ты меня поднатаскаешь в этом вопросе?

– С чего бы? – фыркнула я. – Ты мне не нужен. Не освобождаешь квартиру, я съеду.

Я хотела уйти, но он выловил за руку и рванул к себе.

Обнял.

Просто крепко обнял. Так и стояли. И мне казалось, я слышу, как шуршат в его голове откормленные мохнатые тараканы.

Ненормальный.

Вспомнила, что за ним следят. Наш разговор был со стороны похож на семейные разборки. И вот мы примирились. Так нежненько стоим, не двигаемся.

– Ты портвейн пила что ли?

Я замерла и перестала дышать. А не пошёл бы ты, Трёхглав! Это уж точно не твоё дело, что я пила.

– Поехали в ресторан. Отметим твою победу, – шептал он в моё ухо. И от этого дрожь по телу пробежала.

Это мой диплом победа? Или то, что я его отшила? Так и в том и другом случае я

лоханулась по-взрослому.

– Я на работу.

– Ты больше не работаешь.

– Ты больше не указываешь.

– Ты не перепёлка, а кошка.

– А ты баран.

– Ещё раз бараном меня назовёшь, трахну прямо в машине.

Я стала вырываться, а животное рассмеялось диким бараньим гоготом.

– Пообещай, что выделишь минутку для меня. Я всё поясню, что хочу.

– Только не суррогатное материнство! – испугалась я.

Даяр пришёл в ступор. На морде было написано, что об этом он точно не думал. И даже разозлило его это высказывание. Но меня его мимика уже не колышила, пусть вон своего носатого друга пугает.

Воспользовавшись его замешательством, я выкрутилась из стальных рук и отошла на безопасное расстояние.

– Приду с работы, поговорим. Вещи собирай, я не разрешала ко мне переезжать, – гордо запрокинула голову и пошагала в сторону ближайшего кафе, а лучше дешёвой забегаловки.

А могла бы в ресторане пообедать... платье на диплом получить. И нюхать этот восхитительный парфюм, что щекотал мои ноздри ещё некоторое время, пока я шла по проспекту.

Настроение было на нуле. В киоске я купила себе дешёвую зубную щётку и крохотный тюбик зубной пасты. С таким набором покинула центр города, где цены в кафе не приемлемы для меня.

Нашла более-менее приличную рыгаловку. В общественном туалете, я почистила зубы, умылась и собрала волосы в небрежный пучок на макушке. Потом наконец-то покушала.

Телефон таинственно брякнул, когда я доедала свой коржик и допивала чай из пластикового стаканчика.

«В понедельник приезжает выставка передвижников России 19-20 век. Пойдём?»

«Баран тупоголовый! На выставках запрещается картины бодать».

«Перепёлка, ты чего? За Лопухину что ли обиделась?»

Вот сиди и думай, чей это номер.

«Ты кто?»

«Мартин. Я номер сменил. Хотел с тобой сходить на выставку. Ритка мне всё рассказала о твоём фиктивном браке. Ты могла бы у меня денег попросить».

Не правильно, Липов. «Ты бы могла переспать со мной за деньги». Вот, как ты должен писать. Я закинула все его номера в чёрный список. Университет - пройденный этап, а в новой жизни таким, как Мартин, места не будет.

Ну, всё! Меня ждёт Юрик и светлое будущее.

Вначале я села не на тот автобус. Потом вышла где-то на задворках и долго шла по шумному шоссе. Район мне был незнаком, поэтому я заблудилась. Потом дошла до дилерского центра, за которым располагалась шикарнейшая автомастерская с большим количеством оборудованных боксов, мойкой и кафе.

Встретил меня Лёша Поликарпов. Удивился, что я так припозднилась. Время шло к вечеру.

Я вдруг испугалась, что Лёшка составит мне конкуренцию. Но оказалось, он подрабатывал автомехаником в этом месте. Поэтому был трезвый и грязный. От него пахло соляркой и бензином. И своими грязными лапищами он оставил следы на моей кофте, когда полез обниматься.

Лёшка проводил меня в отдельную комнатку, вход в которую находился с торца здания. Познакомил со своим другом Юрой и ушёл.

Комната была небольшой, окно закрыто жалюзи. Имелся стол с компом, заваленный разными альбомами и бумагами. Никаких красок и краскопультов мне не показали.

Юрик оказался мелким тощим парнем неопределённого возраста. Он ничему меня не обучал. Посадил среди брошюр у компа и попросил самостоятельно просмотреть всю информацию. Сам завалился на потёртый кожаный диван и жевал жвачку. Периодически цеплял её из своего рта двумя пальцами и растягивал в полупрозрачный треугольник. Потом это всё запихивал обратно. И у меня складывалось впечатление, что он жуёт трусики своей девушки.

Через пару часов к нам присоединился Поликарпов. Пришёл с угощениями. Он поставил возле меня кофе из автомата и два пончика в шоколаде.

У меня даже мысль промелькнула, Лёше за такое отдаться.

– Мы не будем работать? – спросила я, вдыхая божественный аромат синтетического кофе.

– Сегодня вечером, – Жевал Поликарпов. – Заказ-бомба. Деньги сразу.

– Что делать? – я попробовала масляный пончик с транс-жирами, покрытый пластиково-шоколадной глазурью. Простонала от удовольствия.

– Покрасить машину. Перегоним из этого центра в другой, потом красим. Хозяин обещал сразу расплатиться. – Лёшка прищурился и внимательно меня рассмотрел. – Не забыла, как водить машину?

– У меня прав нет, – пробубнила я, напугано посмотрев на него.

– Здесь безлюдно. Тебе только за заправку машинку отогнать. Потом я за руль сяду. Справишься?

– Могу, – пожала я плечами, не понимая, зачем такие трудности.

Водила я хорошо. Лёша и Мартин по очереди меня учили. Думали, что я за это отдамся. Не вышло.

– Ты Лерке звонил? – жевал Юрик.

– Да, мы с тобой у неё с восьми часов тусуемся.

Они заржали. А я в непонятках покосилась на них. Не знала я никакой Лерки. И как они могут у неё тусоваться в восемь, когда уже восьмой час

Не нравились они мне. Как Мартин или Даяр. Заковыристые и противные. Похоже, я

становлюсь мужененавистницей, хотя женщина тоже сторонюсь. Мизантропом? Этого не хватало.

Изучать эмали надоело, и я до часа «Хэ» раскладывала пасьянс на компе.

За окном уже стемнело. Я иногда нюхала стаканчик из-под кофе. А потом Поликарпов позвал меня за собой.

Мы вышли в прохладный вечер. Прошли в открытый бокс, в котором никого не было. Встали в темноте.

– А где все? – я высматривала мастеров, но кругом ни души.

– Пересменка, – напряжённо сказал Поликарпов и всунул мне ключи от машины. – Сейчас идёшь, садишься в машину. Выезжай осторожно и по узкой дорожке за мастерской в сторону леса. Справа от тебя будет заправка, ты едешь мимо. Мы тебя встретим.

Он подтолкнул меня в бокс.

Ниссан Кашкай алого цвета. Не знаю, зачем хозяину нужно было перекрашивать такую красавицу, на полировке ни царапины.

Я спокойно села за руль. Завела машинку. Очень плавно поехала в открытые ворота бокса.

Это вкуснее кофе. Завораживает, дух захватывает от восторга. Я включила фары и выехала на узкую асфальтированную дорогу. Она была совершенно пустая, и я даже позволила себе немного разогнаться. Обязательно нужно будет купить себе машину, когда стану очень богатой. Буду, как Таня или Айгерим рассекать потоки городского движения, точнее вливаться в них.

Я так размечталась, что не заметила, как доехала до автозаправки. Она осталась справа от меня, как говорил Лёша. Через двести метров в сторону леса, я увидела самого Поликарпова и его друга Юру.

Лёшка за руль не сел.

Они быстро забрались на заднее сидение и попросили меня прибавить газа.

– Лёщ, у меня прав нет, – обеспокоенно говорила я, выезжая на пустую дорогу сквозь лес. Там почти не было движения.

– Не хочешь?

– Хочу, – я вцепилась в руль и поехала, увеличив скоростью.

– Вот, Перепёлкина, мать твою, – злился Поликарпов на заднем сиденье. – Ты б хоть раз в жизни мне сказала «хочу» в других условиях. Вот что за баба не пробиваемая. Всем девкам только одного и надо, а ты, как..., – он от досады стукнул кулаком по сидению. – Останови!

Я от его грозного голоса резко дала по тормозам.

Юрик улетел, Лёшка матюгнулся и выскочил из машины.

Он открыл дверь водителя, отстегнул ремень безопасности. Взял своей рукой меня за шиворот и с силой выкинул на дорогу.

– Если б дала, в шоколаде бы купал, – кинул мне на прощание Лёша.

Я упала на влажный холодный асфальт. Мне в лицо прилетела моя сумка.

Ниссан с юзом рванул с места, окатив меня выхлопными газами. Светлела машина фарами на тёмном силуэте дороги, а потом скрылась за поворотом. И я осталась стоять одна-одинёшенька в полной темноте. Выбралась на обочину у леса.

И тут меня ударило просто потрясающей мыслью.

Я угнала автомобиль!

Юра с Лёшей у какой-то Леры, у них алиби. Они не светились на камеры. А я села в

машину, укатила на ней к заправке, где тоже камеры. И только у леса угонщики выкинули меня из машины.

Я так испугалась, что дыхание сбилось, и сердце стало в груди бить в колокола.

Всё. Меня посадят. И это точно.

Всем универом придут в суд, лжесвидетельствовать. Ритка расскажет про фиктивный брак ради наживы. Мартин из ненависти наймёт адвокатов, чтобы меня на пожизненный срок определили в мужскую тюрьму.

Я же одна. У меня никого нет. Со мной можно делать, всё что захочешь.

И тут звонок на телефоне. Я дрожащими руками достала его из сумки. Почему-то я подумала, что меня уже полиция разыскивает.

Но это был фиктивный муж.

– Птенец мой, – рычал в трубку Даяр. – А где тебя носит? Если ты решила свалить, то зря. Обещала сегодня серьёзный разговор...

Я завывала, протяжно, как одинокая волчица. Ещё и этот сверху навалился.

Мне конец.

– Леся! Что случилось?! – обеспокоенно орало животное в трубку.

Я не смогла ответить, рыдания разрывали мою грудь. За все свои несчастья я решила оторваться отчаянным воплем.

– Молча сижу под окошком темницы * – стояла под окном с решёткой мелкая, сушёная старушонка, – синее небо отсюда мне видно. – Небо было ночным. – В небе играю все вольные птицы, – Мигал в небе огоньками самолёт. – Глядя на них, мне и больно и стыдно...

Она повернулась ко мне. На морщинистом лице ни капли раскаяния в содеянном. Ничего ей не больно, и ни разу не стыдно. Старушка – воровка. Битый час мне жаловалась на современные окна, потому что «фоторчница», а нынче стала «стеклопакетница», и работать ей очень сложно.

Поймана с поличным.

Была моей сокамерницей.

– Нас здесь до утра держать будут? – тихо спросила я.

– Нет, сейчас расстреляют, чтобы наверняка, – гоготнула проститутка.

Сидели втроем.

Комната была с потоками в три с половиной метра. Стены от пола до середины были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, я бы даже сказала - умбра, выше – пожелтевшая побелка. Трёхъярусные нары с воняющими матрацами. В углу «благоухающий» грязный унитаз и покосившаяся железная раковина.

У проститутки колготки в крупную красную сетку на толстых ногах. Юбка короткая и кофточка с вырезом до пупка. А бабуля в халатике и тапочках.

Засов на двери грохнул.

– Перепёлкина. На выход! – заорал полицейский.

И я, как в кино, заложив руки за спину пошла к двери.

– Молодец, – похвалила меня воровка. – Привыкай руки правильно держать.

Меня вывели из камеры в шумный коридор. Я шла за конвоиром мимо решёток, за которыми сидели ночные бабочки, хулиганы и агрессивные пьяницы.

Мне было так стыдно. Что я низко опустила голову и ни на кого не смотрела. Краснела, бледнела, но глаз не поднимала.

Встала рядом с чёрными ботинками, которые были начищены матовым кремом. От Даяра пахло его прекрасным одеколоном и кофе.

Я закрыла глаза и опять заплакала, но теперь тихо.

Мне почему-то казалось, что он будет меня ругать. Но за место этого, Даяр снял своё пальто и накинул его на меня. Прижал к себе. Его рука поглаживала мои волосы.

И это успокаивало!

Я носом уткнулась в его плечо и замерла.

Никогда у меня не было отца. Но в этот момент я чувствовала себя накосячевшей девчонкой, которую папа вытащил из жопоньки. Собственно, так и было. Папик меня не бросил. Я ему безмерно благодарна.

– Как дела? – строго спросил Даяр, но не у меня.

– Олеся Ивановна, ваша сумка, – какой-то мужчина протянул ко мне руку. Даяр забрал мою сумку.

Не трогайте меня. Меня здесь нет. Я должна немедленно испариться, провалиться сквозь пол.

– Машину нашли, уже номера перебивали, – говорил незнакомец. – Поликарпов два раза

проходил по делу об угоне. Ищем его с подельником.

– Спасибо, Миш.

– Давайте, не вляпывайтесь больше.

Даяр пожал мужчине руку и повёл меня из участка.

Была глубокая ночь. И я даже в мужском пальто мёрзла. Меня провели между машин и усадили на заднее сидение жуткого страшного внедорожника.

В салоне пахло синтетикой, дорогим ароматизатором и моим животным. Моим личным животным, которое судя по всему, мне жизнь спасло.

За рулём сидел парень кавказской национальности. Я так часто его стала видеть, что уже привыкла, и пора бы узнать его имя.

Рядом со мной сел Даяр Иванович и сразу взялся за телефон.

Не стоит считать меня деревенской лохушкой. Я попала в такую ситуацию совершенно случайно.

Мне было необходимо оправдаться перед Даяром. Не потому что меня кольшило его мнение, а чтобы не думал обо мне как о легковой.

– Я с Поликарповым четыре года знакома. Он всегда помогал мне с работой, – прошептала я. – Это было неожиданно. Я ему доверяла.

– Тем хуже для него, – ответил Даяр и гаркнул своим ужасным голосом в трубку. Начал каркать кому-то.

Ехали по сияющему огнями полупустому городу. Медленно ехали. Не спешили. По радио, что тихо играло в салоне, объявили три часа ночи.

Мне было уже всё равно, когда я поняла, что мы уехали в отдалённый район города. А я в чужой машине в обществе мужиков старше меня намного.

Спальный район города. Улица, где через один работали фонари.

Машина подъехала к каким-то гаражам. За ними возвышался заброшенный дом с выбитыми окнами.

– А мне доверяешь? – неожиданно спросил Даяр. Видимо я сильно побледнела, глядя в окно. Сидела с прямой спиной и сильно напряглась.

– Нет, – честно призналась я.

– А что так? – усмехнулось животное.

Я искоса посмотрела на него. Глаза чёрные прищурил и улыбился.

– Мы не знакомы.

– Как сказать, – загадочно ответил он и потянул меня за собой из машины.

Из огня в полымя. Из каталажки на бандитскую сходку.

От вида бритоголовых братков, мне стало совсем холодно. Они все разом уставились на меня и жевали, жевали, жевали. Жвачные животные.

Даяр побратался с самым старшим. Таким детиной, размером с мой платяной шкаф. Лысый с блестящими глазками.

– Что Трёхглав на малолеток потянуло? – загоготало оно.

– Это моя официальная жена, Олеся Ивановна. Художница и учительница рисования, – представил меня Даяр и для пущей важности поцеловал мои онемевшие пальцы. – Познакомься, птенец Перепёлочка, это мой старый знакомый, Толя Тягач.

Мамочки! А вдруг это заразно? Я сейчас постою с ними и начну по фене шпарить. Меня не возьмут учительницей рисования ни в одну приличную школу.

– Оба на! – восхитился Тягач. – Училка...

На ужасной роже Тягача отобразилось неполное, несреднее недообразование. И полный восторг от маленькой, зашуганной учительницы совершенно безобидного предмета. Глазки меня засосали, обмусолили и пытались поймать. А потом оно что-то вспомнило, и выражение лица изменилось. Образования нет, зато силы много. И эта сила чувствовалась на расстоянии. Жутковатый тип. Но до моего животного далеко.

– Пошли, – прошипел он.

Никуда идти я не хотела, поэтому из последних сил сопротивлялась. Даяр обвил рукой мою талию, и я время от времени приподнималась над дорожками между гаражей, оставаясь в свободном полёте.

И чем дальше мы удалялись от фонарей, тем сильнее я чувствовала погружение в кошмар.

Тёмные проулки, железная дверь. Яркий свет.

Я щурила глаза, и медленно меня бросало в жар. Окружённые бандитами на стульях сидели Лёша Поликарпов и его дружок Юрик. И если Лёшка имел вид очень сосредоточенный, то Юра проглотил "трусики своей девушки", и ему стало плохо.

Они не были привязаны, рядом не валялось утюгов или паяльников, но я поняла, что ситуация именно такая.

– Это твой друг, Лёша Поликарпов, которому ты доверяла? – в голосе Даяра не осталось ничего человеческого.

Моё горло сковали спазмы, я даже дышала с трудом.

– Прости, Перепёлка, – выдохнул несчастный Лёшка.

– Кокс, отведи Олесю Ивановну в машину, – попросил Даяр и легонько меня подтолкнул в руки нашего водителя.

Ни Кокс меня вёл, а я делала ноги из этого ужасного места.

Около машины я резко повернулась к водителю и, глядя в глаза с ужасом прошептала:

– Он убьёт его?

– Не-ет, – отмахнулся парень. – Харю начистит и ментам сдаст.

Ну, это прямо меня успокоило!

*Стихотворение Михаила Лермонтова «Пленный рыцарь»

Я не желала вставать с кровати, пока шумы в ванной не утихли.

Мне ремонт в санузле сделали. Я не выдержала утром и вымылась в новенькой ванной, рядом с сияющим шведским унитазом и великолепной раковиной с золотистым краном.

Плитку на стены в тот момент ещё не положили, но мне вполне хватило насладиться эстетикой. Я долго смывала прошедший день. И почти смыла кроме одного яркого кадра. Когда Даяр вернулся в машину на его правой руке, были сбиты до крови костяшки. Мне это снилось в кошмаре, и я ворочалась и плохо спала. Возможно поэтому, когда я всё-таки решила встать, было уже четыре часа за полдень.

Я с трудом села и, не заправив кровать, пошла умываться.

Плитку положили. Она была нежнейшего морского цвета. В тон подобрана занавеска из современного материала с греческим орнаментом по низу. Сочетание белого, циана и золота. И так странно, как ягодки смотрелись розовые тюбики, расставленные на ванне.

Это были скраб, мусс, ласьон, крем и маска. Всё для меня любимой. А рядом с этим набором стояла огромная чёрная бутылка для моего животного. Это и шампунь, и гель и средство для мытья унитаза и думаю в стиралку тоже можно залить. И всё в одном флаконе.

Зеркало в золотой рамке отобразило меня растрёпанную, немного затёкшую, но очень довольную. Я стояла в белых трусиках и маячке, улыбалась себе, как учила мама.

Мыслей по поводу своего странного существования у меня не было. Поэтому я, закончив умывание, решила позавтракать.

Прошла до открытых дверей гостиной и услышала тихие голоса. Заглянула в обитель зверя. А у него гости.

Русские, но походу из зоопарка сбежали. Хрюкающий боров, облезлый тигр, медведь с косыми глазами и козёл с бородкой, который проблеял:

– Доброе утро.

Даяр сидел на диване, скрестив ноги. На нём был домашний костюм из чёрного шёлка с золотисто-алой вышивкой, что делало его очень похожим на индуса или цыгана. Я внимательно присмотрелась к нему. Он там что-то выдумывал своим зловещим взглядом, вроде высказывал недовольство о том, что я в трусишках завалилась на их мальчишник. Пусть не надеется, я в шароварах и халате по своей квартире ходить не намерена.

Я его знала. Я знала этого Даяра. Где-то видела. Но вспомнить не смогла.

– Что-то случилось, птенчик? – строго вскинул бровь Даяр.

Отрицательно помотав головой, я закрыла двойные двери в гостиную. Пошла завтракать.

Современная мода диктует сносить перегородки, объединять комнаты, соображая себе пространство. А я вот заценила отдельную кухню, да ещё и с дверью.

На кухне, как в восточной сказке. Всё есть! Осталось мне познакомиться со своим холодильником. Он подрагивал и рычал, когда я к нему подходила. А внутри полки ломались от еды.

Я вообще-то вспомнила, что у меня есть творог со сметаной. Их я купила вначале этой затянувшейся истории с фиктивным мужем. Но их не оказалось. Даяр выкинул. А зря, там срок годности в следующем веке выходит.

Зато целая полочка была выделена для молочных продуктов.

Такая истома на меня навалилась. Я вкусно позавтракала. В турке сварила свежемолотый кофе с корицей. Плеснула туда молочка и щедро засыпала всё сахаром. Стояла у окна и наслаждалась жизнью.

Мне было так хорошо, что создавалось впечатление, что у меня все дома. Хотя это не так... Или так?

Моя мечта. Пить кофе и любоваться цветущим парком в окно. Там, среди дорожек прорвало трубы водоснабжения. Бил фонтан, создавая радугу. И образовывался в нашем парке прудик.

Даяр проводил своих гостей и пришёл на кухню.

Вот сейчас я готова была с ним поговорить без напряжения. Даже улыбнуться попыталась.

А он...

Животное!!!

С размаха ударил мне по попе своей жёсткой ладонью.

Больно. Обидно.

– Птенчик, ты перед кем в неглиже щеголяешь? У тебя совсем инстинкта самосохранения нет?

– Похоже нет, – отшатнулась от него и поставила чашку на стол, чтобы не разбить об его бараний лоб. – Раз на фиктивный брак согласилась. Это моя квартира! Я так по утрам хожу, и мне нормально! А всяких потусторонних, просьба не беспокоиться.

– Ну, не злись, – с довольной улыбкой протянул Даяр.

Взглядом проехался по моей фигуре, зафиксировав взгляд на моей груди. Будто щекотал, от этого соски стали твердеть и выделяться под тонкой тканью. А по коже мурашки пробежали.

Мужчина облизнулся. Глаза потемнели и стали походить на обсидиан в своём первичном состоянии. Текущая лава, обжигающая, испепеляющая.

– Ходи голая, я никого к нам не пущу. Раздевайся, – совсем тихо прошептал он.

Мужчина, не скрывающий свои похотливые желания. Это вам не подростковая ломка, когда толком мысли сформулировать от возбуждения не можешь. И соответственно - настырность.

Всё, Леся, раздевайся. Судя по животному напротив, сопротивление бесполезно, только маечку и трусики порвёт.

В дверь позвонили. И я ойкнула от радости. Как спринтер на короткие дистанции, метнулась в прихожую, готовая расцеловать всех, кто там пришёл, даже носатого Кокса.

Желание целовать всех от радости быстро пропало, когда на пороге нарисовалось семь мужиков. Они приглашения ждать не стали, втолкнули меня в прихожую.

Два в солидных костюмах с ними полицейский сразу показали мне удостоверения.

– Олеся Ивановна Перепёлкина?

– Да, – пискнула я.

– Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

А за его спиной вошёл мужчина на тёмно-красной безрукавке которого было написано «ФМС России». Светловолосый и кареглазый он внимательно меня рассмотрел и спросил:

– Можно поговорить с вами? – и, не дожидаясь ответа, пошёл в кухню.

– Тебя учили в глазок смотреть? – донёсся до моего уха недовольное шипение Даяра.

– Даяр Иванович, теперь Перепёлкин? – спросили у моего фиктивного мужа.

Что там дальше было, я не слышала, потому что представитель миграционной службы

закрыл на кухню дверь.

– Присаживайтесь, – сказал мужчина.

Мне в моей квартире, предлагают сесть!

– Что происходит? – села я и невинно уставилась на делового и очень наглого представителя власти.

– У вас фиктивный брак...

Он что-то ещё говорил, я специально раскрыла рот и хлопала ресницами.

Фиктивный брак доказать невозможно. Особенно если я в трусах и майке открываю дверь в квартиру, где живёт гражданский муж, с которым я недавно расписалась.

– Если вам угрожали, вы можете рассчитывать на защиту...

Он говорил, как директор в моей школе. Строго, при этом делал акцент на нужные ему слова: опасность, ответственность, тюрьма, твоё будущее.

– У нас обычный брак, не фиктивный, – неуверенно сказала я.

– И когда же вы познакомились? – с усмешкой в голосе спросил собеседник.

– Давно, – ляпнула я и глубоко задумалась.

Эти чёрные, жгучие глаза Даяра не забыть.

И хотя мужчина напротив пытался сбить меня с мыслей, наводящими вопросами, когда и где, я уцепилась за воспоминание. Оно мучительно ко мне возвращалось, так что я хмурилась и подкусывала губы.

– Олеся Ивановна, вы меня слышите?

– Да, – я даже задыхаться стала. – В детстве... он жил в деревни Кукуево. Он цыган!

– Нет, – покачал головой мужчина. Психологическое давление спало, он стал заинтересовано смотреть на меня. – Русский. Мать после смерти первого супруга, вышла замуж и увезла его в Казахстан. Он сменил имя и фамилию.

– Я вспомнила!!! – я вскочила с места и рванула из кухни.

А моего животного нет. Его в наручниках выводили на лестничную площадку. Полицейские игнорировали лифт, потащили Даяра вниз по лестнице.

– Даяр! Я тебя вспомнила! – кричала я вслед.

– Неужели? – рассмеялся Даяр откуда-то снизу. – Тебе же три года было!

– Я вспомнила тебя, Мартын!!!

– Птенец, иди домой, простудишься!!!

Мне было три года. Наш дом был самым крайним у леса. Поэтому, когда мальчишки нарвались на старый забытый капкан в лесу, дотащили своего друга именно до нашей двери. Испугались, когда вышла мама, разбежались в стороны, оставив раненого прямо на земле у крыльца.

Мама работала фельдшером, но в тот день у неё был выходной. Она вызвала скорую и самостоятельно, до приезда машины, спасла пятнадцатилетнему мальчику ногу.

Он лежал в большой комнате на диване, обложенный белыми простынями, что становились алыми от крови. Кричал, скрипел зубами. Не хотел орать, потому что смелый и сильный.

Это должно было быть больно. И у него слёзы появлялись в чёрных глазах. Он сдерживался из последних сил. Капкан получилось раскрыть, но ржавые зубья остались прямо в плоти. Это была настоящая операция на дому.

Мама меня прогоняла, а я всё равно осталась в комнатукомнате. И мне казалось, что боль у нас с мальчиком одна на двоих. Я взяла мальчишку за руку и плакала вместе с ним. Жалела так сильно, что гладила его чёрные, как воронье крыло, волосы и по-детски успокаивала.

А через месяц Мартын со своей мамой пришли к нам в гости. Он казался мне таким большим и взрослым...

Смуглая кожа, тёмно-карие глаза и чёрные волосы. Он ещё хромал. Подарил маме коробку конфет и букет роз. А мне маленькую фарфоровую куколку, которую мама ставила в сервант вместе с дорогой посудой.

Время стёрло этот момент из моей памяти. Нет, я всё помнила, вот только в прошлом был мальчик.

Стал мужчиной.

Сейчас он мне тоже кажется большим и взрослым.

Сразу не сказал мне, кто он такой. Клоун! Надо обязательно пошутить. Занял в моей квартире гостиную, а там за стеклом стоит та самая куколка.

Вот ведь животное! Ну, почему он сразу не сказал?!

Что бы я его пожить не впустила? А теперь жди и беспокойся за него. Вот куда его отвезли?! Сидит наверно в камере со стеклопакетчицей и проституткой ждёт, когда выкрикнут мою фамилию. Теперь она и его. Перепёлкин, животное!

В субботу он не приехал.

В воскресенье я взяла старый пылесос и заставила его вкалывать за последнее десятилетие простоя. Обычно мыла всё тряпкой.

Я не привыкла сидеть без дела, моя жизнь сплошное движение и битва за выживание, а тут настоящий выходной.

Почистила все ковры, даже на диване. В вещах Трёхлава-Перепёлкина Даяра-Мартына копаться не стала, аккуратно смахнула пыль. Ноутбук его тоже арестовали, ему наверно выделяют отдельную клетку. Не удивлюсь, если он у такого чувака, как мой фиктивный муж, кусается. Или взрывается, когда в него лезут.

Пылесос жалобно орал, что надоело. Он перегрелся и старался расплавиться, прося пощады.

Я проветрила и убрала а кухне. Смотрела в окно на парк и пила кофе с молоком. Только вот покоя я не ощущала.

У меня не все дома.

Зазвонил телефон, и я, как ошалевшая, рванула за ним в комнату. Руки дрожали, я ответила быстро на звонок.

– Да, – обеспокоенно выдохнула я в трубку.

– Олеся Ивановна, это Кокс. У Вас всё в порядке?

– А-а, – растерянно протянула я. – Привет. Почему у тебя такая погрехуха?

– Я бывший нарик. Вам ничего не надо? Вы сутки из квартиры не выходите.

– А ты что следишь? – удивилась и даже возмутилась я.

– Да, велено присматривать. Если вам продукты нужны или ещё что, вы звоните. Я сегодня до девяти, потом Мази сменит.

– Кто? – мне стало смешно.

– Мази. Он на английском хорошо говорит.

– Понятно, Мамочка, – я помолчала. А так как он в этот момент трубку не бросил, я, сильно покраснев, что не могло просочиться через сотовую связь, всё-таки решилась спросить. – А Даяр где?

Леся, остановись! Остановись пока не поздно! Или уже поздно?

Или уже беспокойство переросло в настоящую тревогу за человека, который сделал ремонт в моей ванной?

– У него всё хорошо, сидит пока, но скоро выпустят, не беспокойтесь.

Не беспокоиться?! Да я все ногти сгрызла и места себе не нахожу!

– Он может позвонить? – прошептала я.

– Нет, к нему только адвоката пускают.

Капец! Животное, что ты там натворил?

Я, не попрощавшись, отключила телефон.

Следят за мной. Или присматривают. Разница ведь есть. И с какой целью? Мне могут навредить?

В понедельник оделась, как полагается молодой учительнице: белая блузка, юбка-карандаш, невысокий каблук. Уложила волосы в «бублик», чуть подкрасила глаза и с портфелем вышла в прихожую. С тоской посмотрела на мужское чёрное пальто. Всё-так девушки очень быстро к животным привыкают.

Мази спал в машине. Был он Биг Мази с кудрявой русой головой. Будить его, чтобы последил за мной, я не стала. Пешком отправилась в центр города.

Никакого драйва, жизнь перешла в мирное русло и режим ожидания.

В гимназии приняли меня хорошо, подписали временный договорю. И я отправилась в класс, где мне предстояло провести время в компании замечательных детей.

Я даже на время забыла о Даяре. Десять малышей рисовали космос, прибавляя к своему рисунку мечту.

Среди звёзд из-под детских ручек появлялись велосипеды, щенки и радужные пони.

Я сидела у этюдника и рисовала вместе с ними. В моей отдельной вселенной среди звёзд и далёких галактик появилось животное. Оно было, как видение с нечёткими очертаниями. И только глаза чёрные и глубокие, как космос, напоминали мне, что я хочу жаренного барашка.

В конце урока я прикрепила все работы на доску и наслаждалась рисунками маленьких художников.

Когда рисуют дети, это прекрасно!

Пришло время прощаться, дети неожиданно собрались вокруг меня. Самые смелые лезли обниматься, скромники стояли рядом и смотрели на меня во все свои глазки.

Я всегда находила общий язык с детьми. Даже с подростками, с которыми однажды съездила в лагерь на море, я говорила на их языке, хотя они мне порезали купальник и вылили зелёнку на ноги. А когда прощались, приносили свои извинения и пытались познакомиться. Особенно головорезы семнадцатилетние, которые на две головы выше меня.

Мне понравилось всё! От самого здания гимназии с хорошим ремонтом, до замечательных деток. Я решила, что постараюсь сделать свои уроки интересными, чтобы меня заметили. И, возможно... я бы очень хотела... Работать здесь.

Одухотворённая, вдохновенная, как кудесник, я вышла на улицу.

Был прекрасный летний полдень, и солнце уже жаркими лучами согревало воздух. И я порхала, лёгкая, как ветерок. И не стеснялась себе признаться, что влюблена.

В страшное, чёрное, грубое, некультурное животное. И я не буду искать себе дополнительную работу. В ближайший месяц я напишу портрет Даяра. Буду его окультуривать и просвещать.

Дорожка мимо высоких лип завернула за фасад здания гимназии. Я ещё не покинула территорию школы, как меня схватили.

Рот заткнули и с силой опрокинули на каменную стену у чёрного входа.

Чтобы стать юристом, нужны главные качества: нравственность, пунктуальность, коммуникабельность и стрессоустойчивость. Чтобы стать успешным юристом, первый пункт вычёркивается.

Это не я придумала, это Мартин мне сам лично рассказал. И с самого первого курса занимался выгравливанием из себе чувства справедливости и жалости.

Очередной представитель животного мира, скалился на меня вставными зубами, зыркал голодными обиженными глазами и зло шипел, яко аспид.

– Липов, идиот, – испуганно выдохнула я, когда он убрал свою ладонь с моего рта.

– Леся, – Мартин осматривал меня, в основном пялился на грудь под белой блузкой. – Я тебе хочу популярно объяснить, что нельзя со мной играть. Закидывать мой телефон в чёрный список, игнорировать.

– Мартин, я замужем.

– Это фиктивный брак, шваль ты нераспокованная. Завела гастарбайтера и думаешь, я своё не возьму.

– Ты выпил что ли? – испугалась я его напора.

Нет, мне приходилось видеть его в жесточайшем неудовлетворённом виде, но тогда я с лёгкостью от него убегала. Теперь всё изменилось. Я просто исчезла с поля зрения, его это взбесило.

– В том то и дело, что трезвый. Пошли, прокатимся.

Он начал хватать меня за плечи и тащить в сторону ворот. А я выворачивалась. Урод порвал мне две пуговики на блузке. За волосы схватил и растрепал причёску.

– Я за тобой следить буду. Тебя с любой работы попрут, обещаю, – рычал Мартин, волоча меня за волосы.

Мой космос! Он решил разрушить мою жизнь!

Я зубами вцепилась в его руку и сжимала челюсти, пока Липов не заверещал, как девка. Ударил.

Я вырвалась и понеслась со всех ног от него в сторону ворот.

Ничто так не трезвит, как хорошая драка. Мир стал ясным, жить захотелось. Правда, лица прохожих смазывались, потому что я рыдала, когда бежала сквозь толпу. Пыталась рукой прикрыть раскрытую блузку. Пуговики остались, но грудь была неприлично открыта.

Как добежала до дома Ритки и не вспомнила. Влетела в подъезд старого полублагоустроенного дома и дрожащей рукой ответила на звонок телефона.

Меня уволили. Причину не назвали, попросили больше не приходиться.

Наверно, я хотела умереть в этот момент. С другой стороны, вся эта ситуация с одержимым поклонником заставляла думать и двигаться дальше.

Вошла в приоткрытую дверь, в квартиру со специфическим запахом. Пахло всем сразу от вкусной еды до канализации.

В тёмной прихожей было не протолкнуться. Очень много одежды и обуви на многочисленных вешалках и полках.

Стояла старушка в халате и держала в руках кастрюльку.

Она беседовала с мамой Риты. Между ними вила хвостом старая собака - Яблоко. Чистопородная дворянка, подобранная сердобольной Риткой ещё в школьные годы. Собаку

стерилизовали, и она действительно напоминала гнилое яблоко, потому что еле ходила и была круглая. А гнилое, потому что неприятного коричневого оттенка.

– Сварила щи мужу, – сказала старушка-соседка, – а он не ест, собака. Пусть ваша собака ест.

При этих словах старушка из своей кастрюльки вылила щи Яблоку в миску. Собака благодарно помахала хвостом и принялась за обед.

– Леся, здравствуй, – поздоровалась мама Риты. – Проходи, они ещё не уехали.

В их квартире обувь не снимают.

В трёх комнатах жили три семьи. Родители Риты, сама Рита с Колей и старшая сестра с мужем и ребёнком. Так что по сути, это было общежитие.

Коля был парнем деревенским, приехал в город на заработки. Но всё сводилось к тому, что устроиться он здесь, по-нормальному не смог. Поэтому каждое лето они с Ритой уезжали в деревню. Но в этот раз, судя по голой комнате, они уезжали навсегда. Даже кровать свою старую забирали, она разобранная лежала между коробок.

– Боже! Коля, что это?!

Ритка подлетела ко мне и стала в ужасе разглядывать моё лицо, напугав меня так, что я полезла в сумку. На телефоне быстро включила фронтальную камеру и даже не поверила своим глазам. Под правым глазом по виску и скуле полз тёмно-синий синяк с противными багровыми прожилками.

– Это кто тебя так припечатал? – Коля тощий и низкорослый строго посмотрел на меня. – Гастарбайтер твой? Это ты, дрянь, виновата!!!

Коля зло глянул на свою пассию, которая сильно испугалась, словно сейчас такой же получит синячище. Но Рите можно не беспокоиться, Коля полный адекват, да ещё и любит свою полную луну.

– Нет, – прошептала я, нервно распуская волосы и пряча под них половину лица. – Это Мартин Липов. Я не знаю, что делать?

Ритка метнулась из комнаты, вернулась с замороженной пачкой пельменей, которые приложила к моему пострадавшему лицу.

– А этот, муж твой? – сурово спросил Коля. – Ты вообще, в каких с ним отношениях?

– Я... В хороших, – кивнула я, – придерживая холод у виска. Поморщилась от боли и неприятных ощущений. – Я пришла попрощаться, как обещала.

Ритка меня обняла и неожиданно расплакалась. Она была такая мягкая и тёплая, как нежная подушка в кровати. До неё всегда приятно дотрагиваться и она всегда пахла выпечкой.

– Развели мне здесь сопля, – бухтел Коля, вытаскивая коробки в коридор. Он куда-то вышел и вернулся не сразу.

– Вы что совсем переезжаете? – всхлипнула я.

– Да, – ныла Рита, – Коля говорит, что город меня портит.

Мудрый человек этот Коля. Держись, Ритка, за такого мужика.

– Мартин хороший, Мартин перспективный, – появился Коля и взял ещё коробки. – Так же хочешь?!

– Нет, – хлюпнула Рита и вытерла слёзы.

– Коробки в руки и на выход!

Ритка быстро схватила первую попавшуюся коробку и вышла из комнаты.

А мне позвонили. И я уже боялась отвечать на звонок. Нажала на кнопку и молчала.

– Птенец!!!

В парке Пушкина я сидела на скамейке, скромно поджав ноги. Смотрела сквозь пряди распущенных волос на молодую мамочку, которая скормила целый батон голубям на радость своему дитя.

Интересно, когда я стану супер-пупер богатой, я смогу вот так просто скормить вольным птицам целый батон? Тот, кто голодал, слишком бережно относятся к еде. Я вот до сих пор вспоминаю свой творожок и сметанку, которые выкинул Даяр.

Малыш гонял птиц и громко смеялся. А голуби отлетали недалеко и возвращались, чтобы урвать себе еды. Прямо, как я в своё время.

Отвернулась от милой картины и наткнулась на памятник Пушкину. Александр Сергеевич был чёрен и указывал пальцем прямо на меня. Палец его был отполирован, потому что все кому не лень дёргали его и загадывали желания. Я проследила за строгим жестом. Пушкин указывал мне на грудь.

Блузка была распахнута и виднелись мои «девочки», беленькие дыньки. Неприлично, но отлично.

Прости, Александр Сергеевич, но пуговицы мне вырвал Мартин. И не надо тыкать пальцем, я скоро уйду.

Прямо передо мной нарисовались чёрные брюки и шикарные чёрные туфли.

Я подняла глаза. Что-то дрогнуло во мне, заныло, заскулило, обрадовалось.

Фигуру атлетическую обтягивала серая футболка. От наколок мать с ребёнком шуганулась и, распугав голубей, тут же сбежала.

Хотя нет. Не от наколок.

Даяр не успел побриться, а в сочетании с его мрачными чернильными глазами это пугало до икоты.

– Какой вид открывается сверху, – прошептал зверь, рассмотрев мою грудь. Подал мне руку.

– Тебя отпустили? – спросила я, поднимаясь со скамейки.

Он рывком приковал меня к себе одной рукой. Я тихо ойкнула, но не сопротивлялась.

Другой рукой муж провёл по волосам. Очень аккуратно открыв синяк.

– Об дверь ударилась, – мой голос сорвался.

Я, не выдержав его страшного жгучего взгляда, прильнула к нему и уложила голову на широкое, сильное плечо.

Закрыла глаза и расслабилась всем телом. И внутри меня вечно напряжённый стержень, готовый бороться за жизнь, стал плавиться. Ослабевал добытчик внутри, прибалдело чувство собственного достоинства. Разлагались мужицкие привычки всё делать самой. Разомлела независимая женщина.

Я медленно превращалась в птенца.

– Скучала? – он прижимал меня к себе, чуть коснулся губами пораненного виска.

– Очень, – призналась я, понимая, что такими откровениями начинаю раскрываться перед ним.

– И я скучал, – шепнул прямо в ухо.

– У тебя всё хорошо? – я закрыла глаза, чтобы насладиться теплом и спокойствием, чтобы прочувствовать это мгновение всем своим существом.

– Да, теперь всё будет хорошо, птенец.

– Ты мне расскажешь, чем ты занимаешься? Мне нужно знать, чтобы всё понять.

– И простить?

– И простить, если надо.

– Конечно, всё расскажу. Скрывать особо нечего, – он погладил меня по волосам и приласкался своей жуткой бородищей к моему лицу. – У меня два билета на выставку. Начинай меня окультуривать.

Я тихо рассмеялась и, отпрянув, заглянула ему в глаза.

Они не страшные. Они печальные! И то, что я их помню с детства, делали их родными.

– Как ты нашёл меня? На фотке увидел? И как же узнал? – я улыбнулась, медленно отпрянув. Взяла его за руку.

А глаза наши были вместе. Мы с трудом разорвали связь взглядами. Неторопливо пошли по парку.

– Твоя мать не просто ногу мне спасла. Капкан был ржавый, итак с трудом справился с заражением. Оксана сделала мне операцию. Жизнь спасла, – неспешно стал рассказывать Даяр. – Я всегда помнил это. Чтобы не случилось перед глазами ты, птенец и доброе лицо твоей матери. Мы переехали. Я влился в новую компанию, сменил имя и взял фамилию отчима. Знаешь, – он сам себе ухмыльнулся. – Много я делал неправильно. Хотел подняться, и методы мои были не самыми мягкими. А потом приехал сюда, чтобы разыскать твою маму и отблагодарить её.

– Ты приезжал? – удивилась я.

– Да. Оксана лежала в больнице. Ей нужны были деньги на лечение, и я всё оплатил. Твоя мама сказала, чтобы я позаботился о тебе...

– Так это ты деньги ей дал?! – обрадовалась я и даже прыгнула от счастья. – Ты представляешь. Какие-то люди сказали, что это они в долг моей маме денег дали и хотели с меня содрать с процентами!

– Неужели, – прошипел Даяр и превратился в зверя. – И кто они такие?

– Я не помню, – ступевалась я под его суровым взглядом. – Вроде, «Мегазайм». Неважно. Ты, получается, приезжал три года назад, – я поджала губу, не зная, куда деться от его внимательных чёрных глаз. – Мама умерла.

– Олеся, – он взял меня за две руки. Его грубые пальцы проехали по тыльным сторонам моих ладоней, и я вздрогнула от невероятного желания этого мужчины. – Я видел тебя три года назад. Решил посмотреть на тебя, поговорить. Но не смог даже приблизиться.

Его голос охрип. Он был серьёзен, но при этом немного растерян. Поэтому я наострила уши. То, что он говорил, определяло всю нашу будущую судьбу.

– Ты похожа на маму, но легче, нежнее. – Даяр посмотрел в сторону, а потом стал крутить обручальное кольцо на моём пальце. – В тот день ты шла с подругами от университета. На тебе было лёгкое платье и золотистые туфельки, в которых ты была в загсе. У меня сердце расколосось на куски. Я уже тогда понял, что для меня нет ничего важнее в жизни, чем быть с тобой. Сам испугался своих чувств. Я старше, у меня за плечами неприятное прошлое. И то, что я хотел тебя прямо там схватить и увезти с собой, пугало меня больше всего. Именно тогда я решил вернуться в Россию и стать чистым, ну, в меру возможностей, в пользу договорённостей... В общем... Я подумал, что если ты выйдешь замуж, я даже вмешиваться не буду. Но забыть я тебя не смог. Пытался. Ты навсегда моя. Я спешил сюда. Так был занят, что упустил смерть твоей матери. Мне нужно было к тебе

явиться без грязи, чтобы тебя моё прошлое ничем не тронуло. Приехал, – Даяр тяжело вздохнул и печально улыбнулся. Голос его совсем стих. – Прости, птенец, но то, как я тебя забрал себе, это был самый мягкий вариант из всех, что мне приходил в голову. Больше всего я боялся тебя напугать. Поэтому решил немного позлить. Оказалось, полезно. К тому же, положение твоё было плачевным. И ты...

Я внимательно его слушала. Его лицо изменилось, стало таким добрым, что дух захватывало от такой метаморфозы.

– Ты не только внешне грациозная и невероятно нежная, – он провёл руками по моим плечам, – хрупкая совсем. Ты ещё и человек добрый.

– Это ты понял, когда я тебя животным и бараном назвала? – У меня из глаз опять полились слёзы, а голос стал тихим стоном. – Или когда ёршик для унитаза к тебе в ванну кинула?

Он рассмеялся, и я тоже.

Вот так в любви объяснился. Оказалось давно влюблён. Мы обнимались, и я уже вот подумала, какой он прекрасный...

Но зверь показал клыки.

– И любая мразь, обидевшая мою жену, поплатится за это.

Я дёрнулась, но он продолжал крепко меня прижимать к себе.

– Мужик твоей пухлой подружки нашёл мой номер через Айгерим и сообщил, что тебя прямо после урока рисования покалечили.

Я не дышала, стояла тихо. Зажмурилась от душевной боли. Не то что я не мечтала о возмездии, мне было стыдно за свою слабость, и что наябедничали другие.

– Я мало могу рассказать тебе о своём прошлом, птенец. Только о том, что делаю сейчас. О своих планах на будущее. И я ничего не намерен от тебя скрывать. И будь любезна отплатить мне тем же. Тайны такого типа могут привести к семейным конфликтам, а я настроен, прожить с тобой весь остаток своей жизни. У нас семья, моя девочка. Давай будем её беречь.

Даяр наклонился ко мне, чтобы постараться заглянуть в глаза, когда я низко опустила голову.

– Хорошо? – не злобно спросил он.

– Хорошо, – ответила я и отвернулась от него.

В галерее было много людей. Но мы, с Даяром, как отельная экскурсия, проходили от картины к картине и задерживались, чтобы всё внимательно рассмотреть и окультуриться в полной мере.

– Скажи, какие цвета использовал художник, чтобы изобразить белый снег? – строго спросила я своего ученика.

– Белый, серый, синий, жёлтый и фиолетовый, – перечислил Даяр, внимательно глядя на картину.

– Правильно, – похвалила я его. – Как на белом платье дамы с другого полотна. Чтобы изобразить белое, художнику мало белого цвета. Тень никогда не будет серой. Ночь никогда не будет чёрной.

Даяр заворожённо уставился на меня. Он помолодел на тридцать лет и смотрел на меня, как маленький ребёнок, впервые увидевший палитру художника. Восхищённо! Пленённо! С упоением слушал мои слова, покорённо склонял голову.

– Олеся Ивановна, – прошептал он. – Хотите я вас охрененным вином угощу?

Дикий зверь потихоньку превращался в нормальное домашнее животное.

Мы вышли из галереи на шумный проспект. Солнце уже грело, как летом. И хотелось найти свой старый купальник, забраться на крышу дома и позагорать.

Даяру звонили. И мне неожиданно тоже. Хотя я звонков не ждала.

Мы с мужем разошлись в разные стороны, при этом держались за руки. Это было интимно и жарко. Так замечательно, что я влюблялась всё сильнее и сильнее. И вот он уже понимает, как пишут картины художники. И, возможно, я очень на это надеюсь, что мы сходим в филармонию. И Даяр там не уснёт.

– Привет, Леся, – поздоровалась Таня Лопухина.

– Привет, – радостно отозвалась я.

Пауза. Обычно Таня не теряет время зря. Это меня удивило и насторожило.

– Что-то случилось?

– Да...нет, я звоню... Ты как?

– Всё в порядке с мужем на передвижников ходили, – рассказала я.

– В общем, я подумала над твоими словами, – она вдруг стала тараторить, – если ты не хочешь, чтобы я твоего мужа писала, может я вас в паре напишу? Просто я точно знаю, мужику нравится, если жена одобрила.

– В паре? – восхитилась я. Танька художница что надо. Она может очень красиво написать. – Давай. Спасибо, Тань. Я буду рада.

– Отлично...

И опять пауза.

– Что-то хочешь сказать, – это не было вопросом. Она мялась на том конце связи. – Извини, мне Ритка дозванивается.

– Пока тогда, – Таня быстро отключилась.

Странная Лопухина сегодня.

– Леська!!! – орала в трубку Ритка. – Это мой Коля позвонил твоему Трёхглаву. И прикинь, такое сказал: «Ты скажи, если не можешь за свою женщину постоять, я сам за Олесю заступлюсь». Мол, ты вся такая беззащитная, а тут Мартин пристал.

– Да, Даяр рассказал, – настроение упало и хотело спрятаться за плинтус.

– Мартин в реанимации лежит. Быстро твой бандюган работает. Папочка там в трансе.

Знаешь, у Липова такие отвратительные родители...

Вот о чём хотела поговорить Танька. Но не решилась рассказать в силу своей осторожности и ума. Просто спросила, как дела. Не рассказала. Потому что знала наверняка, что это испортит мне жизнь, испортит отношения. И в целом новость была ужасная. Что я даже пальцы с Даяром расцепила.

Ритка трещала, как потерпевшая на допросе, вдаваясь в свои влажные фантазии относительно праведной мести. И я поняла, что ей нужно в деревню, как сказал Коля, и с концами, даже на новогодние праздники к родителям не приезжать.

– ...Теперь ты бандитская любовь, – она заржала в трубку, и я отключила звонок.

– Что не так? – Даяр, как ни в чём не бывало посмотрел по сторонам. Кокс у машины напрягся. Хотя смена Биг Мази, но думаю, что охранник, который меня проспал, уже уволен.

– Мартин в реанимации, – прошептала я, глядя в зеркальные глаза.

Он словно хамелеон, менял цвет под ситуацию и внешнюю среду. Теперь фиг, что в его глазах различишь. Ничего, только солнечный свет отражался.

– Ты расстроилась, – только по губам я могла определить, что он зол. Они сжато натянулись в недобрую улыбку. – Птенец, Мартин бы не остановился. Зажравшийся мажор, почувствовавший вседозволенность. Он бы добил тебя.

– Так нельзя, – замотала я головой в стороны, отказываясь принимать происходящее. – Нужно было обратиться в полицию.

– Но ты не обратилась. И правильно, это бесполезно, – он выловил меня в свои объятия. А я упёрлась ладонями в его стальную грудь. – Ему нужно было объяснить, что нельзя так делать. Как твоему Поликарпову, – он зарычал, – Нельзя маленьких беззащитных девочек бить, нельзя их подставлять и использовать в своих жалких махинациях. Это, как избить ребёнка на детской площадке, только потому, что рядом нет родителей.

Он губами поймал мои слёзы, а потом поцеловал в губы. Легко, мимолётно, но я вся содрогнулась от странного желания.

– Знаешь, почему ментов волками зовут? Потому что только звери могут выловить зверей. И только Толик Тягач может популярно объяснить шакалам, что у тебя есть папочка, и ты спокойно можешь играть на детской площадке.

Я вообще разревелась, и он насильно опрокинул мою голову себе на плечо.

– Я обещал твоей матери, что позабочусь о тебе, – жарко шептал Даяр мне в ухо. – Фирмы «Мегазайм» в нашем городе нет. К тебе всякая дрянь липнет.

Я с этим животным все стадии горя пережила. Вначале, был шок и отрицание, затем гнев и обида. Потом, я почему-то себя чувствовала виноватой, когда открыла дверь в квартиру и его арестовали. Теперь дошло до депрессии.

Я понимала, что Даяр в чём-то прав. Но наотрез отказывалась принимать такие методы. Он мог бы поговорить с отцом Мартина... Хотя Ритка права, там такие родители, что Мартину суждено было вырасти в подонка. И я теперь понимала: всё, что рассказывали о Липове, могло быть правдой. И девушки затащенные на дачу, издевательства и унижения...

Но я не желала возмездия. Этот мир оказался слишком жесток для меня. И муж, как яркий представитель этого мира, пугал.

Даяр сказал, что при изготовлении этого вина ни одна шоколадка не пострадала. На бутылке было написано, что вино шоколадное. Оказалось, что в современное вино добавляют какао, а вот если делать по старинке, выпаривать вино долго в нужных пропорциях, то оно приобретает оттенок шоколадного вкуса. Я бы даже сказала кофейного.

Не известно, где он такое заказал и сколько стоит бутылочка, но я захмелела и прибалдела.

Мы вымытые и довольные сидели на кухне. Я запахнулась в халат, Даяр одел только лёгкие домашние штаны. Резал хлеб большим ножом и подкидывал мне в тарелку жареное мясо, которое сам, между прочим, приготовил.

– Послевкусие невероятное, – прошептала я, пригубив ещё вина из своего фужера.

– Я же говорил, тебе понравится.

Он хитро прищурился, в голосе его промелькнули сладостные нотки предвкушения. Он выпил один глоток, остальное целенаправленно спаивал мне. Потому что у него по плану - исполнение супружеского долга. И если в начале вечера, я наотрез отвергала такой сценарий, то уже к концу готовки мяса, сидела размякшая и осоловелая. Скользила по крепкому торсу взглядом.

Наколки были разными, но среди них выделялись крылья. В которых, был спрятан беззащитный птенец. Это я. Тут к гадалке не ходи, Даяр меня так и называл и поступал практически так же, спрятав меня под своё крыло.

– Так чем ты занимаешься? – в моей хмельной голове ещё было приличие, которое напоминало, что вначале с мужчиной надо познакомиться, а уже потом лезть целоваться. Хотя я уже была готова попробовать в обратном порядке.

– Сейчас в строительном бизнесе. Держу пакет акций крупной компании. Есть ещё интерес в логистике. Только сейчас я, скорее спонсор, чем участник бизнеса. У меня своя команда, – Даяр подлил мне ещё вина. – Ты их видела. Точнее они тебя.

– Зоопарк, – хихикнула я. – Облезлый тигр, жирный боров, косоглазый медведь и старый козёл.

Даяр рассмеялся. А делал он это красиво, прямо загляденье.

– Козла я сразу узнал. Это Коля, он бородку отказывается сбрить, – Даяр влюблённо посмотрел мне в глаза. – Медведь это Вадик, боров у нас Савелий. Остаётся облезлый тигр, – Даяр опять рассмеялся. – Это Ваня, он у нас экономист.

– Верные друзья? – усмехнулась я, покачивая своё фужер в пальцах и с улыбочкой глядя на мужа.

– Неверные отпали сами собой, – прошептал Даяр, уже поняв, что я тёпленькая и пора брать.

И тут из коридора раздалось нудное, протяжное мяуканье соседской кошки. Я поставила фужер и принялась кушать. Смакуя сочные кусочки, даже простонала от удовольствия.

– У тебя есть мечта? – хитро подняла на Даяра глаза.

– Жена, дом, дети, – он немного подумал и решил тоже поужинать. – Первое у меня уже есть... Кошку не хочешь завести?

Он поморщился. Рёв животного, которого не пускали в квартиру, начинал надоедать.

– Это соседа кошка. Она хозяину кушать приносит. То голубя, то крыску.

– Он ест?

– Не думаю, – расхохоталась я, прибывая в блаженстве. – У неё инстинкт накормить.

– Прямо, как у меня, – он отрезал кусочек, нанизал его на вилку и поднёс к моему рту.

Я аккуратно съела предложенное мясо. Сексуально так облизнула губы.

Даяр только рот открыл, чтобы что-то сказать, а из коридора опять донеслось мяуканье уже похожее на вой. Муж недовольно поморщился и хотел закрыть дверь на кухню, но я решила спасти котейку.

– Я позвоню соседу, – усмехнулась я. И запахнулась в халатик по плотнее, чтобы спрятать выставленную для Даяра часть вздёрнутой груди.

– Мы переедем. Я уже квартиру присмотрел, – он выловил меня за руку и поставил рядом с собой. – Тебе понравится.

– Я не сомневаюсь, – похоже краска на щеках моих выступила.

– Не сомневайся, – шепнул Даяр и хлопнул меня по попе на прощание.

– Тебе всё понравится! – долетело до меня его обещание. – Особенно в постели.

О, Даяр Иванович. А в постели тебя ждёт такой сюрприз! Я изголодавшаяся покажу, кто в доме зверь настоящий.

Я вступила в тапочки и открыла дверь.

Так и есть, Мявка поймала синичку и принесла хозяину на ужин. Голос у неё натренированный. Заметив меня, она быстро взяла в клыки свою добычу и уставилась на входную дверь в ожидании, когда я позвоню, и её впустят домой.

Забавная. Она мне всегда нравилась. Настоящая добытчица.

Только я сделала шаг на лестничную площадку. Откуда-то сверху и снизу ко мне подоспели два здоровых мужика.

Я испугаться не успела, как они втокнули меня в квартиру, закрыв за собой дверь.

– Будем платить по долгам, Олеся Ивановна, – услышала я.

И почти ничего не увидела, потому что Даяр вылетел с кухни. Завязалась драка, и я была откинута в сторону вешалки, где дрожащими пальцами залезла в карман пальто Даяра. Там лежал его телефон. Отползая от трёх ревуших здоровых мужиков, я в панике открыла меню и нашла в записной книжке Кокса. Он так и назывался «Кокс».

– Кокс! – закричала я в трубку, – Нас убива...

Незнакомый мужик выбил у меня из рук телефон. Даяр выкрутился от того, кто его пытался обезвредить и подлетел к нам.

Я чувствовала такую мощь, такую силу и ярость, что зажмурилась. Эти мышцы в наколках, этот выцветший до охры взгляд я буду помнить всегда.

Даяр вырубил мужика одним мощным ударом в шею и тот распластался рядом со мной на красном ковре, грузно рухнув носом в мои сандалии.

А дальше я увидела пистолет в руках другого мужика.

Наверно, я бы могла поступить как-то иначе. Но мыслей не было, они совсем отсутствовали, я действовала на инстинкте, как кошка, которая обязана принести хозяину добычу.

Взвизгнув, я прикрыла Даяра собой. И это были считанные доли секунды. Даяр же резко нагнул меня к полу, подставив к дулу свою спину.

Выстрел резанул слух. Как что-то невыносимо опасное и страшное, оставил на сердце кровавую рану.

А Даяр ещё и ногу выставил вперёд, чтобы не упасть на меня. Накренился, укрыв

своими крылами своего маленького птенца.

Стрелок пробежал мимо нас, исчез за дверью.

Таньку Лопухину я встретила случайно. Она в простую поликлинику не ходила, а околачивалась в больнице у своей заказчицы. С таким лёгким поведением приходилось часто у врачей наблюдаться.

Мы сидели в парке на скамейке, недалеко от чёрного входа в больницу, где лежал Даяр. Ему не просто пулю вытаскивали. Операцию делали.

Я сама не своя. В белом халате и бахилах сидела рядом с Лопухиной, курила сигарету. Пришлось стрельнуть. Уже не знала, чем себя успокоить.

Обычно я никому никогда не рассказывала, как и чем живу. А тут прорвало. У меня не было никого из близких, а я так переживала.

– Я пойму, – захлёбывалась я слезами, – Пойму его, если он меня бросит. Лишь бы всё хорошо было. Конечно, кто с такой проблемной дело будет иметь.

– Не делай поспешных выводов, – спокойно отвечала Лопухина, прижимая меня к себе.

– Такая жизнь, Тань. Как выжить, когда так тебя судьба калечит? Лёшка подставил, Мартин докопался, бандиты какие-то квартиру решили отобрать.

– Лёшка, конечно, неожиданно поступил, – согласилась Таня. – Вот уж от кого не ожидала. Всегда всем помогал... А насчёт Мартина даже не расстраивайся. Посадят его. Две девки, которых они а первом курсе увезли на дачу, присоединились к девчонке, что недавно... В общем, тебе свезло, что он тебя в свою машину не посадил. Отец от Мартина отказался, теперь за групповое изнасилование заплатит точно. А что касается квартиры... Хорошо, что ты с Даяром. И не думаю, что он от тебя откажется. По нему видно, что не из таких. Сильный он, – она забрала у меня тлеющую сигарету и докурив, выкинула окуроч в урну. – Я бы в жизни с таким не связалась. А вот для тебя самое то. Ты идеальна для такой личности. Тебя беречь, охранять надо. Холить и лелеять. Такие, как Даяр женщин самостоятельных и деятельных на дух не переносят. И вообще, Леська, – она поправила мои волосы. – Я его не знаю близко, но по поступкам мужика видно. Блин, – она скисла всем лицом. – Ну, Поликарпов удивил. Реально выбился из правил.

– Я пойду, – всхлипнула я и чмокнула Таньку в щёку. – Спасибо тебе. Я же знаю, что Мартина уговаривала не лезть ко мне. И с похоронами мамы мне только ты помогла. И купоны, я твои не забуду. И продуктовый пакет, когда голодала. Ты прости меня, что я сторонилась тебя. Просто... Твоя жизненная позиция от моей резко отличается...

Танька рассмеялась и поднялась на ноги.

– Давай, Перепёлка, дуй к своему Трехглаву. Сдаю в надёжные руки. Он тебя по достоинству оценил.

Она улыбалась. Редко улыбалась. А тут просияла вся. Помахала мне рукой и направилась к своему Бамблби.

А я пошла обратно в больницу. Шла по коридорам к платной палате, у которой стояла охрана во главе с Коксом. Они расступились, пропуская меня к мужу.

В палате было приоткрыто окно. Лёгкий ветерок шевелил закрытые ламели. Пахло цветами. Даяровский зоопарк принёс большой букет и много еды.

Даяр спал, укрытый до подбородка тёплым одеялом. Я подошла ближе и села на стульчик. Нашла его руку и скрестила наши пальцы.

– Люблю тебя, – прошептала я и стала целовать его лицо. Веки посиневшие, брови

широкие, губы высохшие. – Прости меня.

– Не за что прощение просить, – очень тихо прошептал он.

У меня опять слёзы. А он глаза не открывал.

– Сейчас, – он вздохнул. – Забери из квартиры мой кальян и ноут. Из своих вещей только краски и мольберт возьми... Переедешь в квартиру, что я купил для нас. Три дня тебе... там мебель нужна ... Шмотье своё всё выкинешь. Если увижу, что прихватила что-то старое, – он болезненно улыбнулся. – Забодаю.

– Животное, – всхлипнула.

– Есть что-то... Давай, птенец. Коксу велено тебя сопровождать...

– Я всё сделаю, как скажешь, – проскулила я и уложила своё лицо в его широкую ладонь.

– Я тоже люблю тебя, птенчик. Порхай по магазинам, через три дня папик домой вернётся.

– Папик, – я тихо рассмеялась. – Тебе что-то нужно?

– Да, – его рука проехала по халатику и забралась под подол. – Буду тебя тискать, купи бельё.

– Какого цвета? – по телу от его прикосновений пробежала дрожь и сладкое возбуждение.

– Белое, шёлковое... не так как на картине со множеством оттенков. Чисто-белое.

– Смотри, – я лукаво улыбнулась. – Я люблю это дело.

– Вот я так и знал, что ты кошка, – тихо посмеялся он и отпустил меня.

Всё это, конечно, было весело, но сквозь слёзы.

Я завалила Даяра сообщениями. Он отвечал через раз.

В своей квартире, я сложила вещи в шкаф. Решила, что потом разберу всё. Как поступить с квартирой, мне Даяр скажет. Я бы сдала.

А потом меня отвезли в нашу новую квартиру.

То, что вокруг меня крутятся охранники, нисколько не напрягало. Скорее наоборот, я чувствовала себя так гораздо лучше.

Даяру я доверяла. Он во всём прав. Территория была под охраной. На парковку у высотки ещё не сразу попадёшь. Мне выдали пропуск, в случае, если я пешком решу прогуляться. Везде камеры. В вестибюле сидел консьерж, точнее это было похоже на стойку регистрации в отеле. Везде ковровые дорожки. В холле диваны и цветы в бочках. Шикарнейший лифт с подсветкой и зеркалами, там тихо играла музыка.

Третий этаж. Много света, много пространства. От лифта три шага до нашей двери.

Давай, Леся! Держись на ногах. Смирись, это твоя новая квартира.

Я вначале подумала, что жилище состоит из гигантской прихожей одной комнаты и санузла.

– Здесь будет кабинет Даяра Ивановича, – пояснил Кокс, показывая комнату с окном, на котором были плотные жалюзи. В прихожей прошёл к дальней стене и открыл её. Двери, как в купе, отъехали в сторону, а за ними открылся огромный зал.

Окна были панорамными. На полу паркет, красивая подсветка на высоком потолке. Стоял настоящий камин. Над ним пустовало место, и напрашивалась картина. Слева была кухня, достаточно большая, чтобы там же организовать столовую.

Из зала выходило четыре красивые двери с узорами. Они вели в разные комнаты. Первая – очень светлая. В ней Кокс поставил мой мольберт и на пол аккуратно уложил краски. Это моя мастерская.

Вторая комната обязательно будет нашей спальней. Она тоже была пустой. В ней был гардероб. Отделённый от основного помещения, с освещением. Весь в полочках до потолка и перекладинами, на которых пустовали вешалки. Даже была стремянка из дерева, чтобы доставать до верхних ящиков.

Капец, чем это всё я должна заполнять, не понятно.

Между комнатами шикарный санузел со всем необходимым. Всё было таким дорогим, что я боялась туда заходить.

А вот в третьей, небольшой комнате уже стояло два тренажёра.

И всё это размещалось... мне даже страшно представить сколько здесь квадратных метров.

«Ты представляешь, какая коммуналка выйдет за эту квартиру?» – отправила я возмущённое сообщение Даяру.

«Ты представляешь, я сам всё оплачу! С тебя срочно купить мебель. Меня задолбало здесь валяться, свалю отсюда очень быстро».

Я только хмыкнула.

Раз папик хочет. Я ему в этом отказать права не имею.

Так я мечтала стать богатой! Что став ей в одночасье, растерялась.

Часа три составляла список, что нужно купить, подбирая, естественно, по стилю и

цвету. Никому не доверила покупку мебели. Доверила чужим мужикам купить себе одежду и бельё.

Мне приходилось привыкать заказывать еду в ресторане и тратить деньги, не заботясь о завтрашнем дне. Это почти невозможно, когда столько лет бережёшь каждую копейку. Мне приходилось ломать себя, чтобы не купить мебель в дешёвом магазине, потому что за это Даяр бы меня ругал. Он заранее меня отругал, между прочим. За что я его опять назвала животным и попросила не лезть в обустройство моего нового жилья.

День пролетел незаметно. Спала я на быстро собранной шикарной кровати с высокой мягкой спинкой.

Второй день собирали мебель. В квартире было много людей. Только в мастерскую я никого не пускала. Там моя обитель.

У Даяра в кабинете появился стол, диваны, шкафчики и два сейфа. Кокс сказал, что сейчас документы его приведут в порядок, и мой муж получит лицензию на ношение оружия.

Кухню обустроили. Я полезла в первую очередь разбираться с ней. Даже свои новые вещи, что мне покупали чужие люди, не посмотрела.

Новая посуда, красивые занавески. Я на кухне провела больше времени, чем надо. Зал за моей спиной оброс шикарными диванами и маленькими круглыми столиками. Даяр написал, что с проектором или панелью телевизора сам разберётся со временем.

Устав от забот, я вышла в прихожую, чтобы встретить заказанный в ресторане обед. Обнаружила, что стоят мужские туфли в прихожей. Много.

В кабинет я вошла, как к себе домой, без стука. Не ожидала, что Даяр вернулся. Уже сидел весь обросший в мягком кожаном кресле и беседовал со своим зоопарком.

Они уставились на меня.

– Здравствуйте, – я тяжело сглотнула.

Мужчины улыбались, начали здороваться.

– Я приехал, – довольно объявил Даяр.

– Спасибо, что предупредил, – учительским тоном строго сказала я. – Справку мне и рекомендации. Тебе наверняка надо принимать лекарства.

– В мазь! – вспомнил Даяр и стал серьёзным. – Вот, птенец. – Он вынул из своего пиджака бумаги и мешок с названием аптеки.

Я статно прошагала к его столу, взяла лекарства и выписку из больницы, гордо покинула рабочий кабинет.

Всё понятно. За ним глаз да глаз. Мало того, что сбежал из больницы ещё и лекарства принимать велено по часам, а он забыл.

Как ребёнок!

С Даяром очень близко я познакомилась в первые три дня нашего совместного проживания. Он оказался одержимым трудоголиком. Выделил мне двадцать минут своего драгоценного времени. Мне и медсестре, которая снимала повязку прямо у него в кабинете.

Девушка была бледна, вела себя скованно. Разложила на столе свой инструмент. Всё делала быстро и опытно.

– Что, птенец? – улыбался мне муж, забирая у меня листок с расписанием дня. – Романтический ужин. Исполнение супружеского долга, – прочитал Даяр.

Девушка от бледного цвета стала переплывать к ярко-красному.

– Уже можно? – спросил Даяр у неё.

Та покивала.

– Знаешь, почему я так странно с тобой познакомился, Олеся Ивановна, – он красиво мне улыбался.

Ухоженный моими силами. Побрился с утра и костюм новый надел.

Девка вокруг него суетилась, а я ревновала.

– Чтобы не боялась, – усмехнулась я.

– Женщины меня шугаются, – он зыркнул на медсестру. Та быстро обработала рану и начала дрожащими руками собирать свой сундук.

Девушка быстро ретировалась из кабинета. Мы её провожать не пошли.

– Я хочу, чтобы ты всегда оставалась такой смелой со мной, – закончил Даяр и привлёк меня к себе. – Я уже к животному привык. Птенец, только не баран.

Он накренился за поцелуем. И я замерла.

Губы его мягкие и горячие. От лёгкого прикосновения, побежала по телу дрожь. Его руки на моей талии волнение усиливали. Я вспомнила, что безумно его хочу. Не просто в кровати спать, не только долг супружеский исполнять. А чтобы рядом был, чтобы прикасался, чтобы говорил со мной.

Языки сплелись, и я наполнилась горячей негой. Но продолжения не последовало, в дверь опять позвонили.

– Специально всё перевёл сюда, чтобы рядом с тобой быть, – прошептал он мне в губы. – Беги, птенец. Будет тебе всё по списку. Завтра у нас новоселье. Познакомимся с нужными людьми.

Я смотрела в его горячие чёрные глаза. В них столько любви и трепета, что с трудом оторвалась от него.

Пусть так. Пусть мне достались походы в салоны красоты, курсы вождения, и шопинг без ограничений. Я этим не злоупотребляла. Купила себе холсты и краски. У меня тоже была работа. Своя. И так мало, совсем «впроголодь» внимания любимого мужа.

– Всё бы отдала, чтобы побыть с тобой подольше, – вздохнула я.

– Для этого в конце лета поедem на Багамские острова, – он накинул на себя рубаху.

– Звучит, как мечта, – я стала застёгивать пуговицы.

– Потерпи, осталось четыре часа до романтического ужина, – прошептал он мне в ухо и шлёпнул по попе.

Ужин я решила приготовить сама. Запекала утку в яблоках.

Позвонила Тане. Устроилась удобно на подоконнике и ждала, когда она ответит.

– Привет, – услышала я её голос. – Как ваши дела?

– Всё хорошо. Таня, Даяр завтра вечер устраивает в честь новоселья. Я приглашаю тебя.

– Серьёзно? – она усмехнулась. – Депутатик мой придёт, думал со мной, а я что-то постеснялась.

– Приходи, пожалуйста. Все мне не знакомы. Буду очень рада тебя видеть.

– Хорошо приду. Знаешь, депутатик мне предложение делает. У него карьера, я бы могла его хорошенько толкать. И жениться ему нужно, для солидности. Наверно, это судьба, что ты позвонила.

У меня с души отлегло. Пусть Лопухина и странная девушка, мне будет легче с ней по зоопарку ходить. Ещё не известно, что там за жёны у друзей Даяра. Я всех стесняюсь и боюсь. А с Танькой не страшно.

Даяр пришёл и, как истинный зверь, запрокинул голову вверх, внюхиваясь в аромат сожжённой утки. Я быстро скинула звонок и с ужасом побежала вытаскивать стгоревший ужин.

Издавая лёгкие стоны, вытащила поддон.

– Я всё понял, – он помог мне. – В этом доме либо готовлю я, либо заказываем еду.

– Нет, нет. Я умею, – оправдывалась я, с ужасом оглядывая обуглившуюся тушку.

– Птенец, а может сразу к сладкому. – Он пристроился сзади и залез руками под подол моего домашнего платья. – М-м-м, какие трусики. Где купила?

– Это Кокс покупал...

Я напугано замерла. Почувствовав, что взгляд его прожёт меня насквозь и вылетел в районе двух грудей.

Резко повернулась к нему.

Неудивительно, что его женщины боятся. Оно ж животное. Нет, не привыкнуть к этому мозговывдерающему взгляду.

– Что?! – возмутилась я, насаживаясь попой на стол, потому что отступить было некуда.

– Не надо рогами... Блин, Даяр! Не это хотела сказать. Я мебель покупала, времени не было за вещами ходить!

– Кокс и нижнее бельё моей жены не совместимы, – кровавыми глазами испепелял меня и резко охватил руками с двух сторон. Накренился надо мной, прогибая ближе к сожжённой утке. – Леська, я ревнивый до жути.

– Я вижу, – оторопело выдохнула я. – Прекрати меня пугать.

Я выпрямилась и вцепилась в его губы страстным поцелуем. Неистовство захватило с головой. Кажется, поддон с уткой улетели в мойку. А дальше было то, что потерялось из моей жизни, но я ненасытно решила наверстать за пять лет простоя.

Физиология сыграла со мной интересную шутку. Я была, как «новенькая». И мне пришлось всю ночь Даяру доказывать, что он у меня не первый.

Фокусника заказала я. Поэтому сидела в первых рядах и участвовала во всех весёлых конкурсах.

Публика была разгорячённая. Я вначале стеснялась, а потом привыкла. Все взрослые, моих ровесников не было. А Таня припозднилась.

Стулья и диваны были поставлены полукругом. Гости пили шампанское, которое подавали нанятые официанты. И смеялись от невероятных выкрутасов усатого мужчины.

Даяр сидел рядом со мной. Он был прекрасен, как моя мечта.

В белоснежном костюме и белой рубаше. Что так оттеняли его чёрные глаза и смуглую кожу.

Парикмахер был вызван на дом. Мужа побрили, приподняли волосы цвета вороньего крыла вверх. И теперь он был безудержно привлекательным. Мне тоже сделали причёску. Я немного накрасила глаза и облачилась в изумрудное длинное платье в пол. Встала на каблук и сразила своего зверя наповал.

Он теперь охмелевшим взглядом, наблюдал, как я хлопаю в ладоши и радуюсь жизни, как ребёнок.

Даяр отложил все свои дела. Не потому, что их не было, а потому что я его утомила этой ночью. И он осоловел от счастья и своей животной влюблённости.

Фокусник закончил своё выступление. На его место встали музыканты. Один с саксофоном, другой с гитарой.

Пока расставляли мебель по краям зала, Даяр выловил меня и привлёк к себе.

Мы медленно качались в танце.

Я была самой счастливой на свете. Сильное плечо, терпкий запах и нежные руки, что скользили по моей фигуре, приводя в трепет.

– Я люблю тебя, – я вложила душу в эту фразу. – С тобой тепло, с тобой надёжно.

– Ты счастлива? – горячо выдохнул мне в ухо.

– Очень, – я обвила его шею руками.

– Будешь ещё счастливее, – пообещал мой муж. – Костями лягу, но ты будешь всегда смеяться, а рыдать только от счастья.

– Так нельзя, – нахмурилась я. – Это похоже на психическое расстройство. Жизнь должна быть полноценной.

Он рассмеялся и крепко обнял меня.

Оставалось только закрыть глаза от блаженства. Слушать, как бьётся его сердце, принадлежащее мне, как сбито его дыхание от близости.

– Даяр, ещё гости, – позвал Толя Тягач. – Политики подтянулись.

Публика бурно отреагировала смешками и шутками восемнадцать плюс.

Я потянула мужа из зала в прихожую.

Запоздавшая Лопухина снимала плащ. Она пришла ко мне в гости в длинном чёрном платье с рукавом. Не думала, что у неё есть такая одежда на вечера. Мне всегда казалось, что на свои бомонды она ходит почти в неглиже. А тут: неяркий макияж, высокая строгая причёска и обувь на плоской подошве.

Она улыбнулась, и я побежала её обнимать.

За спиной Тани стоял невзрачный низкорослый мужичок с бегающими хитрыми

глазками. Точно – депутат.

Он устало прислонился к большому полотну, упакованному в бумагу.

– С новосельем, Олеся Ивановна и Даяр Иванович. Примите наш скромный подарок, – Танькин депутатуска стал сдирать бумагу.

Я замерла на месте. Во-первых: когда Танька это успела? Полотно в золотой раме было внушительных размеров. Допускаю, что у неё были заготовлены фигуры. Во-вторых: это было сногшибательно и за душу взяло.

Холст, масло. Две крупные фигуры на фоне голубого неба и облаков. Я - невеста в невероятно воздушном, белоснежном платье. На голове у меня фата, а в руках цветы. Я смеюсь. Возможно, у Тани было моё фото, потому что портрет был в мельчайших деталях прописан. Безошибочный гиперреализм.

Рядом со мной – жених. В чёрном костюме, белой рубашке и бабочке. Даяр тоже улыбался, но так хищно... Натурально! Он такой и есть. И Таня поймала его настроение. Она его насквозь видела. Нас...

Я весёлая и беззаботная, а мой муж готов к броску все двадцать четыре часа в сутки.

– Таня..., – растерянно обронила я, с трудом сдерживая навернувшиеся слёзы.

– Я подумала, что вы скромно поженились, вам должно понравиться.

Даяр прижал меня к себе и чмокнул в макушку.

– Толя, несите в зал. Над камином повесим.

Тягач с другими господами из параллельного мира взяли за монументальную картину и, на радость гостям, понесли в зал.

– Угодил, стервец, – усмехался Даяр, медленно покидая меня. – Пойдём, перетрём.

Муж увёл депутатика за собой в кабинет, а я взяла Таню за руку и решила напоить её шампанским.

Вечер заиграл для меня новыми красками. Мы с Таней пили шампанское и любовались свадебной картиной, что так хорошо смотрелась над камином.

А потом подвыпившие гости стали разъезжаться по ночным заведениям.

Я прощалась со всеми, продолжала заворожённо смотреть на свой портрет. Это был восторг. Ощущение абсолютного и безоговорочного счастья.

Мы остались с Даяром одни в своей квартире.

– Это что-то невообразимое, – сказала я ему. – Ещё вчера у меня из еды был подаренный эклер на ужин и свет отключили за неуплату. А сегодня я в другом мире.

– Мир тот же самый, просто ты не одна теперь, – Даяр подхватил меня на руки и покрутился вокруг. – Люблю тебя!!!

Его голос эхом разлетелся по огромному залу.

Холодный ветерок принёс запах шашлыка. В прозрачном воздухе было видно другой берег реки.

Я сидела на раскладном стульчике и выводила на холсте золото-багряный пейзаж, завоёванный ранней осенью. На моей палитре смешивались краски. Кисть выводила изгиб реки, что вмещала в себе десятки оттенков и отражала хмурое небо.

Сочетание мрачно серых и ярко-золотых цветов было торжественно-унылым.

Я художница. Мой муж любит меня именно такой. Поэтому я активно поддерживаю образ внешне. Я ношу берет, короткие куртки и широкие брюки. От меня часто пахнет масляными красками, растворителем и льняным маслом.

Даяр оторвался от своего зоопарка, что ржал недалеко от моего рабочего места. Подошёл ближе, накинув поверх куртки тёплый клетчатый плед.

– Давай-ка не сиди так долго, замёрзла уже. И ребёнка надо кормить, – он провёл рукой по моему круглому животу.

– Десять минут, – попросила я, не отвлекаясь на его жаркие поцелуи.

Таня Лопухина, перед тем как со своим мужем депутатушкой уехать в Москву сказала, что ей даже душно смотреть на наши отношения со стороны. Не каждая женщина подойдёт такому, как Даяр. У него нездоровое отношение к моей свободе. Её по сути, нет. Гиперопека иногда доходит до безумия. Я так и не работаю. Очень хотела свою ИЗО-студию, но не дал. У меня есть права, но за руль я сажусь только, когда Даяр рядом. Я никогда не остаюсь одна, потому что у папика паника начинается. При этом он всё также ревнив, и старается никуда без меня не ходить. Мы даже вместе ходим в ночные клубы, где обитают проститутки. Хотя таких встреч в нашей жизни всё меньше. Потому что весть о беременности, в очередной раз перевернула сознание Даяра Трёхглава, и он постарался свой бизнес перевесит в «факультатив» к основной семейной жизни.

Таня удивлялась, как я так могу. А вот так! Я балдею! Мне Даяр заменил весь мир. Его читать и читать, как открытую книгу долго и с интересом. Не только он на мне заиклился, я, кажется, тоже подседа на своего мужа. Без него плохо, с ним полный улёт и кайф.

– Ты стоять будешь над душой? – я сосредоточенно тонкой кисточкой выводила листочки на переднем плане.

– У тебя ещё семь минут, – зудел Даяр. – И так долго сидеть тебе тоже не полезно.

Даже не верится, что когда-то я по часам его таблетками кормила. Вот как повернулось, теперь он меня контролирует.

– Не тянет живот?

– Животное, угомонись, – недовольно отозвалась я. – Ты мне, реально мешаешь.

– Леся...

– Ладно, Ладно.

По имени он меня называл, когда я перегибала палку. Вытирая кисточку, я щурила один глаз, оценивая свою работу.

– В принципе, – протянула я. – Я допишу её дома. Цвета поймала.

Я не отрывая взгляд от полотна, поднялась со стульчика. Живот действительно тянуло, и я простонала.

– Что?!

– Отсидела. Всё в порядке!

– Я обдумал, вместе рожать пойдём, – он обнял меня, продолжая кутать в плед. –

Никому не доверяю.

И так во всем.

Я подняла на него глаза. Он всё так же опасно-красив. В нём столько острых граней, что можно порезаться. И только я знаю, что прячется за этой маской злого животного. Самый любящий, самый нежный муж на свете. И он будет хорошим отцом. А чтобы мало не показалось, я ему семь детей рожу. Вот только с первым разберёмся.

Я поцеловала его в губы.

– Шашлыка хотим.

Он провёл рукой по моему лицу.

– Пошли, покормлю, птенец с птенцом.

Конец.